

ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

ЛЕНИЗДАТ

1944

Ир 50 $\frac{Г-1}{23}$

Илья Груздев

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Ленинградское
Газетно-журнальное и книжное издательство
1941 г.

Редактор Л. Петерсон
Обложка Л. С. Хижинского

М 002312. Подписано к печати 21/VI 1944 г. Тираж 5.000.
Объем 4¹/₄ л. Печ. л. 4¹/₂. Заказ № 2287.
Типография № 1 им. Володарского Управления полиграфии
и издательств при Ленгорисполкоме

ОТ АВТОРА

В этой книге собрана часть публицистических статей времени осады Ленинграда.

Я не выбирал темы для этих статей. Их диктовала борьба Ленинграда, диктовали очередные задачи пропаганды.

И, при разнообразии материала, они, естественно, были объединены одною темой — борьбой с фашизмом.

Естественно, что, кроме как об этом, мы, ленинградские писатели, не могли ни о чем думать, не могли ни о чем писать.

ЛЕНИНГРАД

Памяти Л. А. Ильина

Ленинградское лето 1941 года было необычайным. Такой пышной растительности, такого расцвета парков и садов, такого дыхания природы не было, казалось, со времен основания города. И такого многолюдства на улицах, такого обилия молодых загорелых лиц. Словно Северная Пальмира стала невиданно пышным южным городом.

И в этом деловитом подъеме, в эту пору ежедневно совершались чудеса. То прославленные шпили и купола скрылись,—чтобы не виден был врагу в белые ночи купол Исаакия, чтобы не сияла врагу Адмиралтейская игла; то

сады и парки словно чудом вздыбились в одну ночь траншеями; то памятники снимались, и когда кони Аничкова моста стали на мостовую, а растреллиевский Петр сошел с пьедестала, казалось, мы присутствуем при начальных временах строительства города.

С первых дней войны Ленинград деловито и грозно готовился к возможным испытаниям.

И когда немцы несметной силой кинулись на город, изнемогая от вожделения преодолеть последние несколько километров, они встретили непреодолимую преграду. Это был ответ воинов — защитников Ленинграда.

Тогда немцы подвергли город яростной, непрерывной, многомесячной бомбардировке. Тысячи фугасок, сотни тысяч зажигательных бомб сбросил враг. С вышки, откуда был виден весь город, в незабываемые звездные ночи осеннего Ленинграда можно было наблюдать, как снопами белого света озарялись целые кварталы города и через несколько минут снова погружались во мрак — «зажигалки» были потушены; иногда занимался над домами розовый отсвет и тоже гас, — возникавшие пожары сбивались в течение десяти-пятнадцати минут. Ни одного случая паники, ни одного движения растерянности. Это был ответ гражданских защитников Ленинграда.

Враг замкнул кольцо блокады, готовя неслыханное злодеяние, злобно мечтая задушить

голодом население великого города. Героическими усилиями был проложен ледовый путь в обход врагу, знаменитая «дорога жизни», как называли ее ленинградцы, — и по этой дороге, спасшей жизнь миллионов, потоком пошли грузы. Это был ответ всей страны, заботой своей и любовью оградившей Ленинград.

Незабываемая картина встает перед глазами, когда вспоминаешь морозную ночь на льду Ладожского озера, по которому, на всем протяжении, как видит глаз, двигались тысячи огней, — это шли освещенные фарами машины, шли, не взирая на близость вражьей авиации, презирая ее отчаянные попытки прервать движение. Водители машин проявляли чудеса выдержки и мужества, не прекращая подвоз продовольствия ни на один день, ни на один час, несмотря на ярые, настойчивые, непрерывные атаки врага.

А когда прошли зимние месяцы осады, когда выше поднялось солнце, все население вышло на улицы, и покрытый ледовой броней, забитый сугробами снега город, улицы которого больше походили на пустынные земли арктики, возродился, — лед, грязь и снег дружными усилиями были подвезены, свалены в реки и каналы, унесены ими в море, — город возродился в небывалом еще, казалось, блеске и чистоте. Это был ответ всего населения Ленинграду.

Еще выше поднялось солнце над осажденным Ленинградом, и у него — новый облик. Сады, палисадники, бульвары, клочки тротуаров, балконы, карнизы, подоконники покрылись огородными всходами. Казалось, еще никогда и никто с такой любовью не возделывал землю, никогда и никто так не ценил каждую горсть плодоносной земли.

Я был в детских яслях на окраине города, прилегающей к фронту. На небольшой территории ясельного сада упали две авиабомбы, три снаряда. Воронки были засажены капустой, покрытия траншей — турнепсом и брюквой, и посреди этого обилия восстановлен для поливки фонтан старого барского сада. Все это сделано трудами персонала, который взялся прокормить детей этого района своими силами.

Дохла осень, и Ленинград охвачен предзимними работами. Нет печников, кровельщиков, трубочистов. Женщины Ленинграда заменяют их, они осваивают профессии, никогда не предназначавшиеся для женщин.

Нет топлива в осажденном городе, а школы, больницы, бани и прачечные должны работать, и вот все население выходит на мобилизацию топливных ресурсов, на новую, большую, дружную, авральную работу.

Так память ленинградца восстанавливает эти годы, когда каждый день был событием в жизни, каждый месяц — эпохой в истории.

И вся жизнь, вся работа была пронизана одной мыслью: моя земля, мой город, моя река!

Река действительно словно создана для города, словно для него течет она, эта удивительная, широкая, полноводная и короткая река.

На этой реке Александр Невский одержал блистательную победу, и теперь, близ этого же места, в суровые дни января 1943 года, защитники Ленинграда впервые прорвали кольцо блокады. За долгие месяцы осады немцы соорудили неприступные, казалось им, укрепления на левом берегу Невы, там, где берег поднимается до двенадцати метров. По разбитому льду наши бойцы форсировали Неву, чтобы атаковать ледяные кручи. С лестницами и крючьями лезли бойцы на эти, окутанные проволочными заграждениями, усеянные огневыми точками, кручи, на веревках тянули артиллерию под многослойным огнем врага. Это был суворовский штурм, и недаром он получил у бойцов название Невского Измаила.

Это новое невяское сражение еще будет взвешено историей с подобающим ему значением. Усыпальница невяского полководца близ этих мест и там же простая плита с надписью «здесь лежит Суворов» — не обретут ли новую знаменательность?

Ленинград для нас полон исторических образов.

Вот Петропавловская крепость — первоначальный оплот города, эмблема русского флота и мореплавания, — не к ней ли, построенной так воздушно и легко, относятся в первую очередь стихи Пушкина:

И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Вот скачущий у Сената всадник, но разве это только памятник Петру? Это воплощение русского гения, России, вступившей на мировую арену. И это в то же время образ литературы Пушкина, столь же высоко вознесшего русское искусство.

Казанский собор — гениальная постройка Воронихина — место священной памяти о славе русского оружия. Здесь могила Кутузова, здесь почерневшие в пороховом дыму неприятельские знамена, взятые Петром, Шереметевым, Румянцевым, Суворовым. Здесь балюстрада из серебра, ценнейший памятник русского искусства, отбитый партизанами у французов. Разве это не военный наш Пантеон?

Сенатская и Дворцовая площади — величайшие в мире памятники архитектурного ансамбля, но говорят они не только о красоте нашего города, но и о трагедии декабристов, и об Октябрьских днях, когда началась новая эра истории.

Какой бурей истории оваян Смольный институт, это великолепное здание, современником вошедшее к нам из эпохи париков, буклей и мушек!

А Таврический дворец, с революционной трибуны которого говорил Ленин?

Но возможно ли исчерпывающе рассказать об образах Ленинграда? Как гениальное художественное произведение при каждом новом чтении открывает свои новые стороны, так и Ленинград неисчерпаем до конца даже для восторженных его приверженцев, и этот город, еще такой молодой в истории и с таким глубоким содержанием своих образов, всегда оставляет еще нечто непознанное...

А годы Отечественной войны! Не равны ли они столетиям?

Ленинградский Комитет по делам искусств выпустил серии эстампов с видами Ленинграда и серии открыток с зарисовками его разрушений. Бойцы Ленинградского фронта прикрепляют эстампы к стенкам землянок и блиндажей — вот что мы защищаем! А открытки посылают семьям — вот за что мы мстим!

Я вспоминаю один эпизод.

Это было в декабре 1941 года. Тихвин был уже отбит у врага, и угроза охвата Ленинграда вторым кольцом была предотвращена. Но

железная дорога еще не была восстановлена и ледовый путь не проложен.

Город переживал тягчайшие дни всей эпохи осады. Не случайно, что именно в это время у нас, в Союзе советских писателей, возникла мысль провести общегородское собрание с участием деятелей искусства, литературы и науки.

Намечена была Академическая капелла из тех соображений, что там сохранилось исправное паровое отопление. Но не было предусмотрено, что при исправном отоплении отсутствовало топливо, и когда мы пришли в назначенный и объявленный по афишам день, в зале оказалось 15 градусов мороза.

Речи слушались с огромным вниманием, но под непрерывный топот зябнущих ног, а когда раздавались аплодисменты, казалось — выколачивают содержимое гигантского гардероба.

В президиум поднялся архитектор, профессор Л. А. Ильин, в таком теплом, но странном одеянии, что я его едва признал. Впрочем, тогда никто ничему не удивлялся.

Ильин представил мне как председательствовавшему на собрании тезисы своего выступления, напечатанные на девяти или десяти страницах. Я взмолился, ссылаясь на мороз и на удивительное еще долготерпение публики.

Но Ильин ответил, что необходимо все это сказать. Пришлось уступить.

Первыми же словами он привлек внимание зала, и когда, доставая бумаги, сбросил варежки с рук, и они повисли на резинках по бокам трибуны — резинки были, как у детей, чтобы не потерялись варежки! — это не отвлекло слушателей и не вызвало улыбок.

Ильин говорил об архитектуре Ленинграда как о национальном облике народа, он говорил о том, каких титанических усилий стоило создание города, как прекрасен город и как содержательны его образы, и каким, наконец, источником оптимизма, бодрости и творческих сил является он для тех, кто чувствует с ним кровную связь.

«Может быть, вы думаете,—вдруг сказал он,— что, говоря о красоте и поэзии образов Ленинграда, я не вижу того, что происходит у нас в домах и на улицах, не вижу ваших страданий, не страдаю сам. Нет, я получаю те же граммы хлеба, но когда меня сочувственно спрашивают: — Ну, как вы себя чувствуете?— я говорю: вот я вышел сегодня из дому, увидел мой город, да еще в солнечный день, и под снегом, и я себя хорошо, отлично, превосходно чувствую и, пока мозг работает, пока сердце бьется, иначе себя чувствовать не могу!»

Страстно призывая к стойкости и к борьбе с врагом, он положил на трибуну два столетия истории города. Это была превосходная агитационная речь.

Февраль, 1943 г.

НЕМЦЫ В РОССИИ

Немецкий офицер пишет из нашей Смоленщины своей невесте:

«Мы здесь скоро будем помещиками. У нас будут свои славянские рабы».

При письме фотоснимок: гитлеровцы избивают русского крестьянина.

Славянские рабы! Вот идея, владевшая истари немецкими пивными головами, еще со времен незадачливого Тевтонского ордена. Разбитые наголову и отогнанные от русских границ, псы-рыцари убедились в том, что не так-то легко сделать славян рабами. Дело немцев в России было проиграно.

Но удалось вползти в Россию немчуре другой, мирной формации, — рептилиям, ползучим завоевателям, присасывающимся к власти «правительствующим немцам».

Темной тучей прошло над Россией правление остзейского немца Бирона, герцога из при-

дворных конюшен, истязателя и палача русского народа.

За ним потянулись бездарной и темной сволочью другие его сородичи: наглый тупица Бенкендорф, цепной пес Дубельт, растленный вор Клейнмихель, шут Адлерберг, каратель Ренненкампф и сотни других проходимцев, открыто презиравших все русское или скрывавших высокомерную ненависть под личиной рабского угодничества.

Батогами, кнутом, шпицрутенами стремились они забить, засечь, принизить, поработить Россию!

Все русское стояло этим немцам в России поперек горла. Не они ли травили русского гения Ломоносова? Не они ли мечтали о том, чтобы сжить со света русского гения Суворова? Не Бенкендорф ли душил Пушкина и Лермонтова?

Правительство Александра II великий публицист Герцен иначе не называл, как немецким правительством, а Зимний дворец — немецкой слободой на Неве.

И за немцами-вельможами, стоявшими жадной толпой у трона, по открытой ими отлогой лестнице ползли на ловлю счастья и чинов немцы-хищники меньшего масштаба: управители, чиновники, хозяйчики, — ползли с тою же мыслью, что они, как высшая раса, призваны выбить из России русский дух.

Герцен вспоминает, как отдавали дворовых мальчиков к немцам в науку. «Все хозяева были неумолимые, систематические злодеи... Дома при нем постоянно лежал ремень, и он, как плантатор, стегал то и дело то одного, то другого мальчика, и стегал два раза, если тот отвечал. — Это животное, нужно выколотить из этой скотины русский дух, — думал он со спокойной совестью».

Примечательно, с какой ненавистью писал Герцен о немцах в России:

«Все они, от юнейшего немца подмастерья до старейшего дедушки из снеговержцев Зимнего дворца, от рабочей сапожника, где ученик заколачивает смиренно гвозди в подошву, до экзерциргауза, где немец, корпусной командир, заколачивает в гроб солдата, — все они имеют одинаковые зоологические признаки», все они «подымали Россию на дыбу, ломали руки и ноги» и «как Кортес завоевывал Америку испанскому королю, так немцы завоевывали шпицрутенами Россию».

Но никто, пожалуй, не разблачил роль немца в России так энергично, как наш великий сатирик Салтыков-Щедрин:

«Давай-ка лучше об немцах говорить... Кто самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека? — немец! Кто самый безжалостный педагог? — немец! Кто самый тупой администратор? — немец! Кто вдохно-

вляет произвол, кто служит для него самым неумолимым и всегда готовым орудием? — немец!.. Только зависть и жадность у вас первого сорта, и так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот почему вас везде ненавидят, не только у нас, но именно везде. Вы подъезжаете с наукой, а всякому думается, что вы пришли затем, чтоб науку прекратить; вы указываете на ваши особенные учреждения, а всякий убежден, что при одном вашем появлении должна умереть всякая мысль о свободе».

Словно в согласии с этой негодующей речью Щедрина, Карл Маркс, перечисляя грехи и преступления Германии в Европе, писал, что немцы и в самых глубинах России являются опорой единого самодержца и всех малых деспотов.

В памфлете «Письмо монархисту» Горький, разоблачая стремление империалистической Германии поработить Россию, навести в ней «хороший порядок», разоблачает и внутреннюю агентуру немцев в России, палачей и карателей.

Почему, — спрашивает Горький о немецких генералах русской службы, — почему «Гершельманы, Штакельберги, Ренненкампы и другие, им же несть числа, так плохо дрались с японцами и так хорошо, так жестоко и усердно били русский народ?»

«Почему остзейские немцы, бароны, в большинстве своем играют в русской истории определенную роль слуг по найму, обязанность которых держать русского человека за горло?»

Горький хорошо разглядел роль немцев — генералов царской службы.

В гражданскую войну все эти проклятой памяти «немцы в России» — барон Врангель, Каппель, Дитерихс, Унгерн фон-Штернберг, фон Неф, Ливен, генерал Миллер и множество других — стремились задушить великую русскую революцию, подвести под ярмо русский народ.

Многочисленны и красноречивы свидетельства наших писателей о немцах в России всех состояний. Можно ли забыть учителя Кранца из автобиографической повести Короленко, учителя, который с чисто немецкой пошлостью и немецким садизмом истязал морально и физически малышей-школьников?

Или типы немцев в России у Достоевского? Барона Бьоринга из романа «Подросток», отъявленного мерзавца; управителя-немца из романа «Униженные и оскорбленные», Ивана Карловича, «одаренного почтенной сединой, очками и горбатым носом» и при всех этих преимуществах кравшего без стыда и мучившего мужиков насмерть?

Да и сколько их было в нашей литературе, этих типов немцев-управителей, а также кре-

постных бурмистров при немцах, которые, по выражению Герцена, били не на живот, а на смерть, кого прикажет Карл Иванович? И помните ли, как говорил мужик у Некрасова про душегуба-управителя?

У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!

Так же, как и Щедрин, Достоевский предвидел, что немец попытается «слопать мир», ибо думает, что «выше германского духа и слова нет иного в мире, и что предназначенная к руководству миром Германия одна может изречь его».

Эти предвидения наших великих писателей были даны еще 70 лет тому назад, в самом начале германского разбойничьего империализма.

Теперь, когда на основе этого разбойничьего империализма вырос чудовищный гнойник кровавого фашизма, когда дело идет не о том, может ли Германия «изречь новое слово», а о потере ею вообще человеческой речи и замене этой речи каннибальским рычанием, теперь снова, как во дни былые, кипит в пивных немецких головах мечта о порабощении России.

Правителем захваченных советских районов назначается остзейский немец Розенберг, шпи-

он и проходимец, достойный последыш остзейского барона Бирона и всех немецких мерзавцев, поднимавших Россию на дыбу.

Каждый день, почти каждый час со всех концов фронта, от бежавших из немецкого рабства советских граждан, через показания пленных немцев, из немецкой переписки поступают к нам сведения о таких чудовищных злодеяниях, при вести о которых кровь вскипает, разум отказывается верить. Но факты — упрямая вещь, они подавляют все сомнения, их обилие делает все ясным.

Взгляните поближе в лицо врага!

Вот в деревне Рогожской, Орловской области, на берегу реки сидит годовалый ребенок. Немец схватил его за ногу, поднял над головой и со словами «Рус. Партизан. Капут.» — бросил его в реку.

Вы видите эту ухмылку на слюнявой морде врага?

Вот немецкий офицер руководит учением бросания гранат и приемам штыкового боя на пленных красноармейцах.

Вы видите эту гадину, уже заживо пахнущую трупным ядом, хотя у него еще отличный пробор и опрыскан он свежим одеколоном?

Вот двадцатилетние молодчики, ведущие в Двинском лагере пленных красноармейцев на работу, пристреливающие их для забавы и

хвастающиеся друг перед другом своей меткостью и молодечеством.

Вы видите эти хрюкающие розовые морды? Сколько выхолощенных от всякой морали немецких поколений должно было вырасти, чтобы появились на свет и эти морды?

Из захваченных нашими частями документов видно, что германское командование не устает призывать своих солдат к жестокостям и грабежу, к грабежу и жестокостям. Вечные перья, которыми пишутся эти приказы, полны слюною бешеной собаки.

Да, мы знаем, до какой степени мучений доводят оккупанты наших братьев и сестер в захваченных районах.

О каждом из наших братьев можно сказать гневными стихами Некрасова:

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы...
... И по лицу его
Не слезы — кровь течет!

Так говорил о себе дед Савелий, «богатырь святорусский», из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Мужики поддразнивали Савелия «клейменным, каторжным», а богатырь весело откликнулся:

Клейменный, да не раб!

А на каторге царской он был за то, что
прикончил помещицкого управителя:

Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть...
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал,
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы погрудились...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
„Наддай!“ я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружной.
„Наддай! наддай!“ Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сравнялася с землей!

Поразительно, с какой страстью, с какой
смелостью изобразил Некрасов эту святую
ненависть крестьян к «немцу-душегубу»!

Эти люди не выдуманы! Это они, вот та-
кие, как некрасовский Савелий, богатыри свя-
торусские, в боях и труде сбросили татарское
иго, они шли в ополчение Минина и Пожар-

ского, они били французов 12-го года на всех дорогах, они борются сейчас в немецком тылу со всей силой русского упорства, с беспредельной яростью и героической стойкостью.

Розенберг сажает на нашу землю баронов-помещиков, — партизаны уничтожают их; гитлеровцы разыскивают предателей и холуев на службу себе, — партизаны снимают их с этих должностей и расстреливают; гитлеровцы шлют карательные отряды, — партизаны разбирают их.

Фашистская газета «Кракауер Цейтунг» писала:

«После войны многие тысячи немцев смогут осуществить на востоке свои мечты. Каждый немец станет колонизатором, начальником и господином».

А вот ефрейтор Алоиз Фрам, призванный реализовать мечты этих тысяч немцев, был другого мнения.

«Здесь все выглядит ужасно, — писал он отцу, — русские так могут сопротивляться много лет».

Это, конечно, страшно для тех, кто поверил в молниеносную войну в России. Это значит — не видать русских рабами! Это значит — безграничная ненависть к врагу и такая же любовь к своей земле! Это значит — иступленная, неистовая, беспощадная борьба!

Мы все с детства помним кузнеца Архипа из повести Пушкина «Дубровский», кузнеца, который запер в доме и сжег подьячих, помещичьих прихвостней, насильников и мучителей. Как мужественно и гениально показал Пушкин благородство души этого народного мстителя!

Такие народные мстители, как Архип и Савелий, сейчас всюду. Они цементируют мужество и стойкость, они ведут за собой людей на беспрецедентные подвиги, в них воплощены великие силы народного сопротивления.

Братья и герои! Уничтожением гитлеризма будут отомщены все страдания, искуплены все слезы и кровь! Нужно с корнем вырвать фашизм, небывало смрадное, небывало позорное явление на земле!

Май 1942 г.

О ПУШКИНЕ

Годовщину рождения нашего художественного гения мы празднуем в осажденном Ленинграде, в этом городе, который он воспел стихами такой силы, какой еще не знало человечество, в городе, с которым связаны его величайшие творения, в городе, самые камни которого говорят нам о его священной памяти.

Ныне этот город, наш город, осажден выродками человечества и истории, угрожающими уничтожить все памятники нашей культуры.

Фашистский бандит, командующий германской армией фон Рейхенау прямо заявил в своем приказе, что «никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Мы не вступаем в словесную полемику с бандитами, ответное слово пусть принадлежит штыку и пуле, снаряду и бомбе.

Но когда мы освободим чудесный город Пушкина и сады лица, в которых расцвела его гений, когда освободим Михайловское и Тригорское, места его вдохновенного и печального изгнания, когда освободим Святогорский монастырь с прахом Пушкина, место, равное национальному Пантеону, — все это станет еще более, бесконечно дорого нам, а нашу ярость за поругание этих мест мы передадим нашим потомкам, чтобы из века в век помнило человечество о черном позоре варварства, чтобы из века в век помнило человечество о великом гневе русского народа, грудью своей отстоявшего культуру и цивилизацию от варварских орд фашизма.

И сейчас, в нашей борьбе, Пушкин с нами, как горная вершина нашей культуры, нашего патриотизма, нашей ярости.

Потому что Пушкин, это — борьба. Самая судьба его, вызов его николаевскому режиму и гибель поэта — это тема еще не написанной нашей национальной трагедии.

Повторяя слова Ломоносова, Пушкин писал, что холопом и шутком он не будет даже у царя небесного. Пушкин говорил, что он принадлежит всей стране, и имя его должно быть и оставаться незапятнанным.

Какое потрясающее сознание своего величия было у этого человека, который шел на смерть не только ради защиты своей чести, как он понимал ее, но и ради защиты национальной чести.

В этом свете все поступки его, казавшиеся и современникам и исследователям иногда загадочными, — логичны и понятны, в частности, стремление добиться дуэли при любых условиях и его слова жене:

«Не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касается меня одного».

Это касалось его одного, как первого поэта страны, имя которого не должно быть запятнано холопством, осмеяно придворными шутами, как сам он не мог быть поруган и порабощен!

Как неправильно думать, что Пушкин, доведенный до иступления и затравленный,

сам искал смерти, подготовил себе род самоубийства!

Пушкин до последнего дня жил всеми «впечатлениями бытия», был весел с друзьями, работал, писал, был полон творческих замыслов. На дуэль он ехал не с отчаяния, а как на воинский и гражданский долг, словно передавая истории свою непримиримость, как знамя творческой и личной свободы.

Смертельно раненый, лежа, истекая кровью, стрелял он в Дантеса с яростью, которая не может быть объяснена только личной враждой.

Таким был Пушкин. Так кровно связал он себя со своей родиной.

Его творчество возросло на патриотическом подъеме эпохи Отечественной войны 1812 года, этой великой национальной борьбы с полчищами Наполеона; и самые огненные, самые могучие стихи Пушкина посвящены были напоминанию всем врагам нашей родины о тех силах, которые таятся в ней, о великой мощи национальной обороны:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

Каким пророчеством звучат сейчас слова Пушкина о врагах, снова вероломно и злодейски напавших на нашу страну:

Хмельна для них славянов кровь,
Но тяжело будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Пушкин хорошо напророчил: миллионы таких непрошенных гостей уже легли в нашу землю, ляжет и еще немало.

Одиннадцать месяцев наша богатырская Красная Армия, под великим вождением Сталина, осененная победоносным знаменем Ленина, ведет бои с врагом. Силой Ленина наши войска яростно сопротивляются врагу, силой Ленина гонят его с нашей земли, страстность и воля Ленина осеняют нашу страну.

С нами же страстность и неукротимость Пушкина, неколебимо верившего в военный гений русского народа. Недаром он называл Россию «бранною царицей».

Издравле миролюбивый русский народ в дни смертельной опасности вставал на врага, как один человек. И не победоносный ли гимн наступлению этот, словно к нам, его потомкам, обращенный, пламенный призыв Пушкина:

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб наш договор.

Народ Пушкина будет верен этому призыву: враг будет изгнан из пределов нашей родины, разбит и уничтожен.

Благослови Москву, Россия!
Война: по гроб наш договор!

6 июня 1942 г.

О ПОЭТЕ НИКОЛАЕ ТИХОНОВЕ

Если бы мы хотели назвать имя поэта, с которым в наибольшей степени связаны боевые традиции советского стиха, имя поэта, голос которого особенно был громок в этот грозный и великий год, мы должны назвать имя Николая Тихонова.

В своей поэтической работе он — сверстник Октября. Более двадцати лет он с песней живет на советской земле, радостным бременем носит он славу своей родины, и песни его всегда были борьбой со всем мелким, гнусным, душным, борьбой с мещанским, мелко-

травчатым миром, всегда он стоял «за ветер против духоты», справедливо и отлично сказав о себе:

И с мышью вчерашней и с завтрашней мышью
Я в ссоре, и ссора не знает затишья.

Поэзия Тихонова молода, как молод он сам, несмотря на седую голову, как молода советская страна. Он рос вместе с поколениями советской молодежи, и рос так, как сказал в одном из своих ранних, давних стихотворений:

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди, простым.

Так росли и наши поколения, наши славные танкисты, моряки, сталинские соколы, тот цвет нашей родины, что ведет сейчас на переднем крае нашей обороны яростную, беспощадную борьбу с фашистскими ордами.

Следует только внести поправку в определение их простоты. Они просты своей железной стойкостью в борьбе, просты в своей беззаветной преданности родине и народу, в своей яркой ненависти к врагу, но в то же время именно они волею истории являются наследниками мировой культуры во всей ее сложно-

сти, они защищают культуру и цивилизацию всех свободлюбивых народов, защищают дело всего прогрессивного человечества от немецко-фашистских выродков.

И сам поэт все годы своей работы шел по пути наибольшей сложности. Он «любопытством путь измерил». У него поистине великая жажда впечатлений бытия. Он неутомим в страстных поисках этих впечатлений, неутомим в путешествиях, в непобедимом желании дать имя и слово всему виденному — полям, долинам, рекам, горам и ущельям родины.

Где он не бывал, какие края нашего отечества не видали его? Башни Сванетии, долины Грузии и Армении, страны узбеков и туркменов, песни Кара-Кума и Прибалтийские республики, север и юг, запад и восток. И всюду сопровождало его страстное стремление воплотить виденное в образы, прославляющие Советский Союз, дать язык немым свидетелям нашей славы.

Забредя на край Советского Союза, к южным горам Средней Азии, он восклицает:

Если б щели в горах повели разговоры,
Если б ночи умели писать,
Мы имели б рассказов невиданный ворох,
На котором сегодня молчанья печать.

Придя на другой конец нашей страны, к северным границам, он обращается мыслью

к немотствующей Финляндии, он вызывает певца Вейнемейнена, и примечательно, что эти стихи написаны еще в 1925 году, а какова их злободневность? Не о гитлеровских ли холопах, закабаливших прекрасную страну Суоми, говорит поэт, обращаясь к Вейнемейнену:

... Твоя страна Суоми
Гранитным пауком оплетена,
Она без языка сегодня, Вейнемейнен,
Твоя, старик, страна.

... Твоя страна Суоми
Угрюмою щетиной поросла,
Она с веревкою на шее, Вейнемейнен,
У ног хозяйского стола.

В Суоми нет игры. Паучье
Гнездовье стены замело,
Пой, Вейнемейнен, ты ведь знаешь лучше,
В чем яростное песен ремесло.

Яростному песен ремеслу мы с детства учились у наших великих поэтов. «Клеветникам России» Пушкина, «На смерть поэта» Лермонтова, негодующие песни Некрасова, гражданские мотивы Блока, гневные стихи Маяковского, — по всем вершинам русской поэзии проносилось дыхание этого яростного вихря борьбы и протеста, этой великой традиции русского боевого стиха.

И Тихонов не был бы достойным преемником национальной русской поэзии, если бы

не воспринял в полную меру своих сил и своего вдохновения это яростное ремесло песни.

В 1935 году поездкой его в Европу вызвана книга стихов «Тень друга». Поэт увидел воочию предгитлеровскую Европу, тот клубок предательства, подлости, продажи национальных и народных интересов, которую готовили петэны, лавали и квислинги.

«Земля Европы, по которой я ступал, — писал он, — накалена, как будто мировой торфяной пожар пылает под ней. Воздух ее душен. Человек Европы унижен и оскорблен. Хозяева жизни безумны и кровожадны».

Он откликается на эти впечатления рядом памфлетов, в которых так ощутимы предвидения грозных событий и железной логики возмездия.

Завершающее книгу стихотворение «Противогаз» достойно стать историческим документом.

Вспомнить только, сколько лучших русских людей писало о Европе, сколько высоких надежд связывалось с ее судьбами, в какой мере самые камни ее городов были священны, самый спор с ней был великим спором, в котором рождались глубочайшие идеи новой культуры, новой гражданственности. И теперь снова русский поэт обращается к этим воспо-

минаниям и с негодованием и скорбью говорит о том позорном плене, в который попала эта колыбель великих культур.

Противогаз!

Твоей резиной липкой
Обтянута Европы голова,
И больше нет ни смеха, ни улыбки,
Лес не шумит, и не шуршит трава...

Так вот зачем ты пела и трудилась,
По городам копила старину,
Чтобы тебе, как состраданья милость,
Белесый холод щеки обтянул?..

Ты даже не услышишь сквозь резину,
Когда, поднявши грохота пласты,
Такая гибель пасть свою разинет,
Чтоб все сожрать, чем так гордилась ты.

И когда немецко-фашистские орды, опьяненные купленными предательством победами в Европе и столь усиленные этими победами, ринулись на Советский Союз, голос поэта с первых дней наших битв не переставал раздаваться, сливаясь с голосом миллионов воспрянувших душ и сердец.

Ведя повседневную работу боевого журналиста, выступая как художник-прозаик, автор рассказов из жизни осажденного Ленинграда, поэт Тихонов в такой мере откликается на события дня, что его собрание стихов послед-

него года является как бы поэтической летописью Великой Отечественной войны.

Особенно значительное событие на этом его пути — поэма «Киров с нами», опубликованная им 1 декабря 1941 года, в годовщину смерти Кирова и в дни наиболее бешеных атак фашистской своры на наш город.

Много ли в истории поэзии примеров, когда поэтическое слово так непосредственно вводилось в огонь борьбы?

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.

Но тишь разрывается боем,
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невою,
Огнем обжигая мосты.

Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.

Если в этих точных и скупых строфах слышатся отголоски могучей поэзии Лермонтова, то в другой замечательной поэме, в «Слове о 28 гвардейцах», о панфиловцах, остановивших отряд фашистских танков и тем преградивших врагу путь на Москву, о людях, подвиг которых ярк, как факел, подвиг, который

не могут затмить даже самые прославленные дела героев нашей истории, — в рассказе об этих людях Тихонов нашел форму большой национальной поэмы.

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля,
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.

И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой овеяно новой,
Словно знамя опять взметено, —

Все равно оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косою,

Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд...

Подвиги наших героев останутся в сердцах поколений, они останутся и в памяти веков. Вся наша земля, вся наша необъятная Родина едина в своем решении, в своем призыве: смерть немецким оккупантам! И в этом голосе миллионов голос поэта Николая Тихонова крепнет и растет

Июль 1942 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

Сегодня наше слово о героической молодежи Ленинграда, о Ленинском комсомоле.

Когда историки будут рассказывать об осаде Ленинграда, значению и роли комсомола в этой борьбе будет отведено одно из наиболее ярких, одно из наиболее почетных мест.

Десятки тысяч ленинградских комсомольцев в первые дни войны добровольцами вступили в ряды армии. Пятьдесят четыре ленинградских комсомольца получили звание Героев Советского Союза за выдающиеся подвиги. Свыше пяти тысяч ленинградских комсомольцев и комсомолок получили ордена и медали за выдающиеся мужество и отвагу. Летчиком, первым применившим таран и положившим начало новым, блистательным приемам воздушного боя, был ленинградский комсомолец Герой Советского Союза Жуков. Харитонов, Бринько, Пидтыкан, Титовка, Лукьянов, Здоровцев и другие летчики-герои, столь прославившие воздушную оборону Ленинграда, — ленинградские комсомольцы.

Книга под таким скромным, протокольным названием — «Отчет Ленинградского Городского и Областного комитетов ВЛКСМ» — содержит материал огромной силы. За спокойными строками отчета вы видите нескончае-

мые ряды самоотверженных и отважных людей, чувствуете горячее дыхание борьбы не на жизнь, а на смерть, за коротким и скупым изложением фактов угадываете высокую и воодушевляющую ярость усилий и побед.

Вот комсомолец пулеметчик Филиппов. Будучи в окружении, он уничтожил свыше ста гитлеровцев, сжег танк, а когда пулемет вышел из строя, забросал немцев гранатами, последнюю оставил на себя и на пулемет.

Вот краснофлотец Субботин. Встретив в дозоре двадцать немцев, имевших намерение совершить диверсию на наших коммуникациях, он смело вступил в бой, — раненый, дополз до телефонного аппарата, предупредил штаб. Получил тринадцать ран, но врага не допустил.

Вот партизанка Антонина Петрова. Более ста пятидесяти раз в сложнейших и опаснейших условиях ходила она в разведку, добывая ценнейшие сведения.

Вот Лев Кухорский, партизан-комсомолец. Им взорвано одиннадцать железнодорожных составов врага.

Вот Антонина Бардистова, связистка. Она осталась одна в местности, занятой врагом. Укрылась в воронке от снаряда, сообщала все необходимые сведения нашему штабу.

Таких дел и подвигов комсомольцев, таких эпизодов, каждый из которых достоин

горячего и проникновенного создания большого писателя, в нашей ленинградской летописи уже десятки и сотни. Нужно возможно полнее, возможно подробнее, как великую драгоценность, собирать сведения об этих делах лучших из лучших сыновей и дочерей Ленинского комсомола, сыновей и дочерей нашей родины.

И каждый комсомолец, имея перед собой эти волнующие примеры, должен еще и еще раз проверить себя: достоин ли он своих товарищей, сумел ли он до конца, до корня выжечь в себе всякое благодушие, всякую беспечность, воспитал ли он в себе такой же боевой дух, такую же целеустремленность в душе, такую же страсть в борьбе? Достоин ли он беззаветной ярости Филиппова, преданности родине Субботина, бесстрашной инициативы Петровой, железной выдержки Бардистовой? Или великой ненависти комсомольца Помещика, который, уничтожив десять гитлеровцев в рукопашном бою и лишившись оружия, последнему немцу перегрыз горло зубами?

Алексей Максимович Горький, в те годы, когда он еще только начинал свою литературную работу, еще в самом раннем ее периоде, написал рассказ «Мечь», один из первых своих рассказов.

Содержание его несложно.

Старый крестьянин Максим Буадзе ждет на дороге своего врага Романоза Гватуа, убийцу своего сына.

Он остановился на узкой тропинке, снял шапку, стал на колени.

«Господи! — сказал он. — Ты знаешь, зачем я пришел сюда, и я это знаю. Помоги мне, коли милость твоя со мной! Ты ведь знаешь и то, как любил я своего сына, молодца Ваню, и ты видел, как он лежал на земле в крови, а я плакал над ним»...

Старик прервал свою молитву. Враг приближался на коне, еще невидимый из-за поворота дороги. Старик наклонился вперед, страстно желая скорее увидеть убийцу сына.

«Дикая радость давила ему сердце, хотелось закричать, броситься на него, кусать и рвать...» Он с иступленным криком прыгнул из-за камней на тропинку, прямо к голове лошади.

«Как подстреленный пулей, вился на дыбы оглушенный и испуганный конь; дико вскрикнул всадник; камни из-под ног коня шумно покатались в пропасть, а за ними, жалобно заржав, сам конь и прижавшийся к его шее, крепко обвив ее руками, Романоз».

Старик стал на колени и громко проговорил:

«Благодарю тебя, боже, господин мой!»

В этом рассказе — одна страсть, один пафос: месть за поругание всего святого. Обещанный, одинокий, беспомощный старик, у которого только дряхлые руки и хриплый голос, благодарит своего бога, вдохновителя энергии мщения.

У нашей молодежи, у наших бойцов есть другая, могучая, вдохновляющая сила — Родина.

С именем родины на устах четыре советских гвардейца, вооруженные противотанковыми ружьями, окопавшись на невысоком степном кургане, отстояли этот рубеж родины от натиска тридцати вражеских танков, — подвиг, достойный древне-русских богатырей.

К Родине-вдохновительнице обращены сердца нашей молодежи:

«Благодарю тебя за то, что дала мне крепость мышц, воспитала во мне бодрое сердце, упрямую волю, горячую любовь к тебе! За то, что дала мне в руки оружие, на славу изготовленное моими братьями, на славу усовершенствованное лучшими учеными моей страны! Клянусь отдать за тебя, если понадобится, мою кровь, мою жизнь и быть достойным испытаний, выпавших на мое поколение и сделавших мое поколение великим поколением русских людей!».

1 сентября 1942 г.

ПОТОМСТВЕННЫЙ КРЕТИНИЗМ

В 1906 году, во время своей агитационной поездки по Европе и Америке Горький написал ряд прокламаций, воззваний, обращений и памфлетов революционного характера. Среди последних примечателен памфлет на германский империализм, написанный в форме беседы автора с кайзером Вильгельмом II, под названием «Король, который высоко держит свое знамя».

Хотя в этом сатирическом «интервью» Горький вскрывает сущность германского империализма в его ранней стадии, в период, когда он еще шел вверх по кривой, насыщаясь производительными силами Германии, но в то же время с поразительной пронизательностью, с истинным пророчеством писатель в лице своего воображаемого собеседника-маньяка изобразил и слугу новейшего германского разбойничьего империализма, империализма хищной немецкой плутократии, ограбившей Европу и влекущей самую Германию в черную пропасть поражения и позора. За Вильгельмом, кайзером-кретином, стоит кретин-фюрер, обер-бандит Гитлер.

Вот изображение этого, если можно так сказать, наследственного кретинизма.

«Его величество вошло крепкими ногами существа, уверенного, что дворец его построен

прочно. Величию осанки его величества очень способствует то, что оно не сгибает ног и, держа руки по швам, не двигает ни одним членом. Глаза его тоже неподвижны, какими и должны быть глаза существа прямолинейного и привыкшего смотреть в будущее».

Маньяк с упоением марширует.

«Его левая нога поднялась кверху, и вслед за нею правая рука взлетела на уровень плеча.

— Смир-рно! — скомандовал король. Нога и рука моментально заняли свои места.

— Это называется свободной дисциплиной членов. Она действует независимо от сознания. Взмах ноги уже сам поднимает руку — раз! Мозг здесь не играет никакой роли. Это почти чудесно. Вот почему лучший солдат тот, у которого мозг совершенно не действует. Солдата приводит в движение не сознание, а звук команды... Мар-рш! Он идет в рай, в ад, куда угодно. В штыки! Он колет своего отца, мать, брата... это все равно! Он действует, пока не услышит — стой! Изумительно величественны эти действия без мысли!.. Разве это не прекрасно? Вы видите, — для счастья людей не нужно мозга: за них думает король».

Не поразительно ли знакомая нам вещь?

Сколько пленных гитлеровцев, какая тьма немцев, людей-автоматов отвечала на вопросы об их действиях и побуждениях:

«Мы не должны думать. За нас думает
Фюрер».

Дорого обходится теперь этой оболванен-
ной нации школа гитлеровской плутократии!

И до трагической буффонады доходит
памфлет Горького, когда маньяк говорит:

«Король обязан думать за всех подданных,
и кроме него никто не должен делать это...
Нужно способствовать развитию страха...
И когда общество обезумеет, короли встанут
во весь рост».

«Короли» фашизма встали сейчас во весь
рост, чтобы с высоты своего роста низверг-
нуться в мусорную яму истории! Осиновый кол
им в спину!

Сентябрь 1942 г.

ПОЭМА О ЛЕНИНГРАДЕ

Силою сорока дивизий, обхватом с трех сто-
рон, шли немецкие полчища на Ленинград,
блокируя великий город.

Ленинград! Народный певец Джамбул
назвал его незакатной Полярной звездой.
И с этим образом входят в нашу память де-
кабристы, входит и перенявший у них с этим
символом историческую эстафету Герцен,

вспоминаются муки Некрасова, гражданская казнь Чернышевского, Ленин в Питере, Обуховская оборона, великое движение 1905 года и величайшая в мире революция, которою наш город открыл новую эру в истории.

Ленинград! Он трижды отстоял себя в гражданскую войну, грозную силой встав на пути врагов. Никогда не топтал его сапог завоевателя! И сейчас снова он встал на пути жесточайшего и сильнейшего в истории врага, и сам стал неизмеримо могучим,

как часовой,
Чей пост вовеки несменяем!

Никогда не будет забыто, что впервые под Ленинградом враг был остановлен и перешел к обороне.

О борьбе великого города будут созданы песни и сказания, и эпос, и трагедия. Но мы, ленинградцы, можем гордиться, что уже сейчас, когда еще горячи раны, когда еще дымятся жилища, когда еще борьба в разгаре и ненависть пылает еще с неутоленной яростью, что уже сейчас создана поэма, создано произведение не на час, не на день, а на будущее, точнее сказать, — и на наш день, и на будущее, и как наше оружие, и как память о нас в истории.

Поэма Веры Инбер «Пулковский меридиан» начинается с описания случая, действительно

имевшего место, — вообще Вера Инбер исторически точна, как истинный поэт-летописец.

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов, —
Упала утром бомба, весом в тонну.

Отсюда идет развитие первой главы поэмы. Смятение в больнице, раненые, убитые, ночные воздушные бои, пожарные дружины, группы самозащиты, — все это дано точными штрихами, но только штрихами, основное содержание первой главы — обвинительный акт фашизму, клятва ненависти, которая поднимает поэму прибоем высокого гражданского пафоса: уничтожение гитлеризма — высшее благодеяние человечеству.

Избавить мир, планету от чумы, —
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

Стремительная и торжественная поступь поэмы резко меняется с переходом ко второй главе. Читатель входит в зиму, входит в город, окованный морозом, погруженный во тьму, мучимый голодом; в город, где «больных и мертвых множатся ряды», куда каждый грамм хлеба доставляется «со смертью пополам», где лица меняются стараниями «зловещего гримера» — голода:

Подбавил пепла, подмешал свинца, —
И человек похож на мертвеца.

Что это — жалобы? Нет. В этих картинах нет ни тени жалобы. Это — все тот же счет ненависти, все тот же обвинительный акт злодеяниям врага. И еще большая заслуга Веры Инбер в том, что она не только исторически точно, но и с высокой психологической правдой запечатлела памятную ленинградскую зиму 1941/42 года. Поэт, по его выражению, старался удержать «песчинки быта», но дело не в них, а в той «психике быта», которая светится в этих картинах:

Недаром же на днях, заняв черед
С рассвета, чтоб крупу достать к обеду,
Один парнишка брякнул вдруг соседу:
„Ну, дед, кто эту ночь переживет, —
Тот будет жить“. И старый дед ему:
„А я ее, сынок, переживу“.

Кто из нас, ленинградцев, не был очевидцем этого невиданного мужества и патриотической самоотверженности населения многомиллионного города, от мала до велика, без различия пола и возраста?

Кто из нас не знает десятки, сотни таких примеров, когда люди до последней возможности стойко и спокойно выполняли свой долг перед родиной и фронтом?

Так думали, так говорили, так жили, так умирали.

Третья глава поэмы снова ведет читателя в наступление. Она переносит его на Ленин-

градский фронт и начинается великолепным изображением мороза на фронте в виде ледяной танковой колонны:

Мороз, мороз!.. Великий русский холод,
Испытанный уже союзник наш.
Врагов он жалит, как железный овод,
Он косит их, прессует, как фураж,
И по телам заснувших мертвым сном
Он катит дальше в танке ледяном.

Автор с четырьмя спутниками — на фронте, в лесу, на дальнобойных батареях.

Фронттовики чествуют ленинградских гостей боевым застольем, и гости отвечают тостами мести:

Огонь! В честь нас, людей из Ленинграда,
В честь пятерых, — пять молний, пять громов
Рванули воздух (мы стояли рядом),
По вражьи́м блиндажам пять катастроф.
И в интервалах первым начал счет
Один из нас, сказав: „За наш завод!“
Второй проговорил: „За наш совхоз,
Во всем районе не было такого“.
„За сына“, — тихо третий произнес.
Четвертая — инструкторша горкома:
„За дочку. Где ты, доченька моя?“
„За внука моего“, — сказала я.

В этом — глубокая правда. Сейчас у советских людей государственное, общественное, семейное, личное, — все сплелось, как никогда, в одном клубке. Мстящий врагу за свои личные беды и потрясения выполняет высокий

патриотический долг перед родиной: обороняющий в трудах и боях родину несет врагу расплату за каждое личное горе, — за смерть ребенка, за поругание женщины, за каждый сожженный дом, за каждый бандитский выстрел.

Когда-то Некрасов свою богиню вдохновения, классическую музу, назвал «музой мести и печали». «Муза мести» нам кровно сродни.

Возвращая в четвертой главе читателя в Ленинград и рассказывая о преодолении великим городом выпавших на его долю испытаний, Вера Инбер дает образы музы и в других обличиях.

К ученому, к труженику умственного труда она

Являлась ночью под сирены вой,
В исхлестанной ветрами плащ-палатке,
С блистанием волос под капюшоном,
С рукой, карандашом вооруженной.

... С электролампой, в световом овале,
Входила муза в номерной завод
Под сумрачный, оледенелый свод, —
Там Стойкостью ее именовали...

В образе девушки в берете со звездой она управляет движением возрождающегося города, в образе девушки в старом ватнике она скалывает лед, и чудесный город, сбрасывая тяжелый ледовый панцырь, вновь возникает во всей своей сказочной силе.

... И рядом с Музой каждый
И чувствовал и думал не однажды:
„Чтобы вернее сокрушить врага,
Я все отдам, и даже бытие,
О, Ленинград, сокровище мое!“

В этом — тоже глубокая правда.

Мы скажем истории: «с подлинным верно!»

Оборона Ленинграда, такая, какую она войдет в историю, возможна была только при глубокой самоотверженности — и в строительстве укреплений, и в питании фронта боеприпасами, и в изумительной ледовой трассе, — во всех работах, при которых люди не колеблясь отдавали все свои силы — «и даже бытие». И только при таком знании условий блокады будут понятны истории слова товарища А. А. Жданова во всем их глубоком значении:

«В Ленинграде нет грани между фронтом и тылом. Каждый ленинградец, мужчина и женщина, нашел свое место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота».

Я не привожу отдельные, отличные места из поэмы, такие, как изображение сверкающей зимы в осажденном городе или полная глубокого лиризма картина Ленинграда на вторую осень блокады:

Он все такой же, как и до войны,
Он очень мало изменился внешне.

Но, взглядываясь, видишь; он не прежний,
Не все дома попрежнему стройны.
Они в закатный этот час осенний
Стоят, как люди после потрясений.

Вера Инбер пишет 30 лет. Ее стихи были всегда остроумными, изысканными, затейливыми, приятными. Она была поэтом выдающегося таланта, наделенного и незаурядным умом и несомненной грацией. Но словами другого поэта она могла бы сказать о себе: «и голос мой не громок».

У нее есть стихотворение, где прямо говорится, что лучше всего у нее получается, когда она говорит вполголоса. Но вот жизнь мобилизовала ее и потребовала полного голоса. И мне думается, что сейчас она могла бы оглянуться на свое прежнее творчество с некоторым удивлением, как на чужую жизнь.

В наши дни в этом не было бы ничего странного.

Так студентка, отлично сдавшая зачеты и больше всего любившая фокстрот и оперу, становится прославленным снайпером.

Так сельский подросток, еще недавно гулявший на полной воле и беспечно пользовавшийся преимуществами своего возраста, сейчас в партизанском отряде взрывает немецкие эшелоны и ходит в глубокую разведку.

Так юноша, год или два тому назад окончивший курс в аэроклубе, сейчас носит золо-

тую звезду и имеет на счету десятков-другой сбитых фашистских самолетов.

Так мужает вся наша страна, так снова в истории России

тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

И с какою невиданной силой, заботами и трудом всей страны куется наш булат!

А читатель? Сейчас на фронте, на заводах, в городах, — всюду читатель необыкновенно чуток ко всему значительному и выдающемуся в литературе.

Этот читатель может от души поздравить Веру Инбер с удачей.

Декабрь 1942 г.

ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ РУССКОГО НАРОДА

Вот уже месяц, как мы поздравляли друг друга с новым годом. Но в этом году странным образом не стареет это приветствие. И не каждый ли день мы снова и снова, слушая сообщения этого замечательного «Последнего часа», поздравляем друг друга: «С новым годом, товарищи, граждане, соотечественники,

годом боевых успехов, трудовой доблести, все-народного подъема, национальной гордости!»

Да и как нам не поздравлять друг друга, когда от победных сообщений «Последнего часа» идет гул по всему миру, когда поразительно бездарные выдумки и уловки фашистских руководителей, которые никак не могут, никак не решаются признать успехи советских войск, как нельзя лучше обнаруживают смятение врага? Когда немецкая идея «слопать мир», как ее определил Салтыков-Щедрин, развеяна красноармейским штыком, прострелена советским пулеметом, рухнула под напором нашего танка? Когда гитлеровские вассалы скоро завизжат, как щенята, от ужаса перед тем, что им предстоит? А еще так недавно Румыния хотела дойти до «ворот Азии», не меньше, Финляндия хотела дойти до Урала, а Венгрия... впрочем, чорт ее знает, до чего хотела дойти Венгрия.

Десятилетиями немцы болтали чепуху о мечтательной и таинственной «славянской душе», занимаясь в то же время весьма практическими делами и рассчитывая прочно оседлать «славянскую душу». Чепуху болтали, а с русской историей плохо ознакомились, господа немцы! Или Чудское озеро, Куликово поле, Бородино — это пустые географические понятия? Или исторические выдумки? Заглянули бы в народный эпос! В сказаниях всех

народов есть замечательные примеры красоты, доблести, мужества, хитрости и многих других качеств, но ни у одного народа нет образов такой спокойной богатырской силы, какая воплощена в Илье Муромце или Микуле Селяниновиче.

А сейчас на наших глазах почти каждый день возникает новый эпос, легендарный эпос, хотя участники его эпизодов — люди нормального роста и не склонны к поэтизации своих дел или к похвальбе своими подвигами. Эти подвиги совершаются сейчас и в южных степях Дона и Кубани, и в северных лесах и болотах под Ленинградом, и по всей великой снежной русской равнине.

Советское Информбюро сообщило о блистательной ликвидации немецкой армии, окруженной западнее центральной части Сталинграда.

Сталинград! Какое огромное содержание, какая сила чувств вложена отныне в это звучное, сияющее, солнечное имя!

Боевые действия под этим городом затмили все, что было самого великого в военной истории. Несомненно, что еще в 1941 году, прорываясь через Криворожье на Донбасс, Гитлер рвался, как к одной из основных целей своего наступления, к этому волжскому плацдарму, к этой сияющей твердыне, к этому городу, перестроенному и вознесенному силами социа-

лизма! Отброшенный от Москвы и по всему фронту, он начал летнее наступление 1942 года с главным направлением сюда, сюда, к Сталинграду! Как загипнотизированный, он видел здесь решение всей проблемы войны. Отсюда на север в обход Москвы! Отсюда на юг к Кавказу! Отсюда на восток к Уралу! Сюда вся сила удара!

Двадцать третьего августа 1942 года тысячу самолетов немцы обрушили на город бомбовый удар, уничтожая квартал за кварталом, уничтожая последующими ударами, казалось бы, всякую возможность сопротивления. Но когда немецкая пехота пошла по легкой, казалось бы, утрамбованной бомбами дороге, город поднялся из развалин и встретил ее огнем пуль, снарядов, гранат.

Гитлеровцы сбросили тысячи зажигательных бомб, город пылал так, что зарево было видно на пятьдесят километров, но когда немцы опять пошли в наступление, город опять восстал из пепла, сметая врага.

Тогда немцы зарылись в землю, забились за камни, попрятались в ямы. И началась борьба за каждый дом, за каждую квартиру в доме, за каждую комнату, за каждое окно, за каждый угол дома.

«В 45 дней была сломлена Франция, — писала одна английская газета, — а в Сталин-

граде немцам понадобилось 45 дней, чтобы передвинуться с одной стороны улицы на другую».

Глаза немцев становятся квадратными от ужаса, лица — зелено-серыми, как их шинели. По всему миру гитлеровская пропаганда распространяет слухи о невиданных укреплениях Сталинграда. Глупейшее вранье! Немцы остановились не перед крепостью, а перед узкой полосой земли в 600—800 метров глубиной, защищаемой советскими бойцами; позади была Волга, впереди полукольцом наступали сотни тысяч предельно вооруженных врагов.

Красноармеец Байсори́н сказал:

— Отступить мне некуда! Сталинград — мой город, Волга — моя река!

Вместе с Байсориным это сказали все защитники Сталинграда, и немецкая печать сообщала с изумлением и растерянностью:

«Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены. . . Наши солдаты, измученные, со впалыми щеками и опухшими от бессонницы глазами, молят бога об окончании боев. . . Советский солдат сражается даже тогда, когда он остается один».

Да, Байсорин сражается даже тогда, когда он остается один, потому что это его земля, его река, его город; он сражается даже тогда, когда две тысячи орудий наведены на защи-

щаемую им полосу земли, когда тысяча самолетов бомбит ежедневно эту, его, Байсорина, землю.

Геббельсовский журнал писал:

«Когда немецкий пехотинец рассказывает о России, он прежде всего говорит, что все дороги здесь идут в гору».

Вот — любопытное признание! А еще не так давно вы, господа немцы, почти всю Европу прошли под гору! Злодейски и вероломно напав на Советский Союз, вы тоже шли под гору, рассчитывая на то, что с легкостью растопчете великую страну.

Плохо, плохо ознакомились с русской историей, господа немцы! Не было в истории народа, который бы с такой силой отстаивал свою независимость, с такой яростью самоотвержения боролся против иноземного порабощения!

Во время татарского нашествия целые русские города предпочитали верное истребление позору рабства. Небольшой город Козельск сопротивлялся полчищам Батыя до последнего человека, и Батый, уничтожив и испепелив город, повернул на восток, потрясенный русским сопротивлением.

Выдающийся русский писатель Карамзин еще сто пятьдесят лет тому назад писал в статье «О любви к отечеству и народной гордости»:

«Зная, что мы храбрее многих, не знаем еще, кто нас храбрее. Мужество есть великое свойство души; народ, им отличенный, должен гордиться собою».

Все великие русские полководцы, воплощавшие в себе народную душу и народный гений, в минуту смертельной опасности для родины превращали войну оборонительную в войну отечественную, опираясь на мужество и спаянность народа.

Так Александр Невский, в год нашествия Тевтонского ордена, истощив свои резервы, «отъехал на Русь», ушел в глубь страны и воззвал к Руси, разоренной, разъединенной, обессиленной, и эта разоренная Русь дала ему силы, разбившие первоклассное войско в Европе, войско Тевтонского ордена.

Так Дмитрий Донской через головы изменных и двурушних князей призвал Русь к отечественной войне против татар, и к нему стеклась стотысячная рать, разбившая двухсоттысячное отборное татарское войско.

Так высокий подъем отечественной борьбы вынес на гребень исторической волны Минина и Пожарского.

Когда Карл XII приказал своему генералу взять Полтаву, «ничтожную крепость», по его словам, шведский генерал ответил:

«Крепость не сильна, но ее обороняют русские».

Шведский генерал оказался прав.

Все жители Полтавы вышли на стены города; истощенные, голодные, терпя невыносимые лишения, они в течение двух месяцев отражали атаки шведов, не сдали Полтавы, не дали шведам закрепиться на Украине и тем подвергнуть страну опасности нового порабощения.

Это проявление нравственных сил гарнизона и жителей Полтавы как лучом света освещает нам эпоху Северной войны.

К этим нравственным силам обращался Петр в своем приказе перед Полтавским боем:

«А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, была бы жива Россия».

Эти народные силы дали возможность Петру совершить гигантское дело: после военного разгрома в начале Северной войны перевооружить Россию, дать ей новое оружие, изучить его применение.

И когда Петр, по выражению Пушкина, после Полтавской битвы «за учителей своих» «зздравный кубок» поднимал, он поминал невольное учительство шведов в тактическом применении оружия, а не в искусстве стратегии. В этом последнем Петр был верен национальной стратегии русского народа: выбрать решающий момент встречи с сильнейшим противником, когда он наиболее стеснен

природными условиями или предшествующим ходом военных действий и истощением своих резервов.

Не так ли Александр Невский взял в клещи немецкий «клин», навязав немцам решающий бой на льду озерного перешейка у скалы Вороний камень?

Не так ли Дмитрий Донской расположил резервный полк Владимира Серпуховского, решивший исход битвы в момент, когда татары считали свою победу решенной?

Не так ли Минин и Пожарский выиграли решающую битву под Москвой, ударив по резервам и тылам противника в момент его наибольших успехов?

Не так ли великий и мудрый Кутузов решил судьбу Наполеона коротким словом: «Приказываю отступить!» и в момент еще полного могущества Наполеона уверенно предсказавший: «Я еще заставлю французов конину есть!»

Нет, нет, не убедили немцев эти великие примеры русской истории!

В прошлую мировую войну немецкий фельдмаршал Гинденбург изрек: «Победит тот, у кого крепче нервы!» А мы говорим: «Победит тот, у кого сильнее воля к победе!»

У нас воля к победе растет с каждым днем, у немцев воля к победе с каждым днем падает, и нервы до такой степени не выдер-

живают, что Гитлер в день десятилетней годовщины своего разбойничьего государства спрятался от радиослушателей.

Наша воля к победе! Ни один из великих примеров русской истории не сравняется с событиями нашей Отечественной войны, с тем ростом и подъемом нравственных сил, какие вызвало в многонациональном Советском Союзе нападение гитлеровских орд. На фронте это проявилось в поистине богатырских подвигах, а страна не только перевооружилась в боях, как было при Петре, но и перебазировала свою кузницу победы так, словно перевернулась страница огромной книги.

Вспомним снова Пушкина и его великую формулу нашего национального сопротивления:

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Язык традиционной немецкой стратегии издавна возлюбил другой термин: «бронированный кулак».

Удар бронированным кулаком, предательски, вероломно, как можно скорее, молниеносно, пока хватает сил, пока подвергшийся нападению не пришел в себя, оглушить его, повалить, связать, — вот эта стратегия. И чем авантюристичнее становились планы немецкого разбойничьего империализма, тем больше вынуждены были немцы придерживаться ее.

Германский генерал фон Мец писал:

«Мы, немцы, можем усматривать свою силу только в более крепком ударе, а не в более долгом дыхании».

Это — стратегия грабительского нападения, стратегия предельно вооруженного бандита.

Наша национальная стратегия — стратегия и крепкого удара, и долгого дыхания, и мудрого расчета, и суворовского стремительного наступления.

Учение Ленина о стратегии и тактике просто, но оно просто, как бывает просто все гениальное, как просты создания Пушкина, как проста периодическая система Менделеева. Воплощая в высочайшей форме гений русского народа, Ленин воплотил и его военный гений.

Стратегия Ленина—Сталина выдержала сейчас испытание невиданно огромных событий.

История расскажет, как был выбран Сталиным момент контрудара по гитлеровским войскам под Москвой в 1941 году, когда в решающий момент «клещи», смыкавшие Москву, были обрублены советскими войсками, после чего и появилась новая народная поговорка: «Наши клещи немецких хлеще».

История расскажет, как был выбран Сталиным момент удара по гитлеровским армиям в районе Сталинграда, в том месте, где

противник считал себя наиболее сильным, в момент, который он считал для себя наиболее безопасным. Полководческий гений Сталина в подготовке и развитии операции в Донской излучине, ставшей смертной петлей для немцев, выразился с блеском, поразившим весь мир.

«Обороной Сталинграда русские добились успеха, подобного которому не знала еще история».

Так пишет иностранец, нейтральный наблюдатель.

«Подобного которому не знала еще история». Мы должны понять размеры событий, и мы с народной гордостью говорим: Сталин — величайший полководец в истории!

Порабощенная Гитлером Европа еще льет ему пушки, еще строит танки и самолеты. Еще тлеет надежда у волка зацепиться кровавыми лапами где-то за русские бугры.

Но уже нет в Германии такого угла, даже самого глухого, где из окна видна только лавочка с нищенскими эрзацами да ковыляющий по улице инвалид, нет такого угла, где бы не слышался уже отдаленный гул приближающегося грохота разрушения гитлеровского государства, гитлеровского «нового порядка» крови и кнута.

И уже не одному из вдохновителей этого «порядка», не одному из замазанных этой

кровью мерещится, как он будет метаться по Европе «недобитком», — недобитками красноармейцы называют немцев, бродящих в одиночку и группами по кубанским и донским степям, пока холод и голод не загонят их в плен.

Ленин учил тому, что враг, как бы он ни был ослаблен, никогда не свалится, если его не повалить. Беспощадный и полный разгром врага — единственный наш ответ.

2 февраля 1943 г.

КОГДА ГОВОРIT СТАЛИН

Когда говорит Сталин — это не только событие в жизни нашей страны, это — событие в личной жизни каждого из нас.

В этот день словно всходишь на гору и с высоты этой горы видишь реки и моря нашей родины, видишь ее заводы и пашни, видишь весь мир, видишь дорогу истории.

Сегодня опубликован приказ Верховного Главнокомандующего в связи с празднованием двадцать пятой годовщины существования Красной Армии. В нем говорится о двадцати месяцах беспримерной в истории героической борьбы Красной Армии против нашествия не-

мецко-фашистских полчищ, о тяжелых боях летом и осенью 1942 года, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда, о новом соотношении сил на советско-германском фронте, о начале массового изгнания врага из Советской страны.

Не первый раз в грозную эпоху Великой Отечественной войны говорит со страной Сталин, не первый раз подводит итоги пройденного пути. Но впервые говорит он в такое время, когда одержаны Красной Армией такие блистательные, такие еще небывалые победы. Законной гордостью полна его речь об успехах Красной Армии, законной гордостью полны наши сердца.

В одном американском историческом журнале читаем:

«В истории Сталин предстанет как человек, который спас цивилизованный мир при помощи одного из самых блестящих стратегических приемов, когда-либо применявшихся народным вождем в международном конфликте».

Так осознает роль Сталина интеллигенция Запада: Сталин во главе советских народов стал щитом для цивилизованного мира против гитлеризма, заслуги Сталина перед миром необъятны.

И вот необыкновенное свойство его речи. Он — вождь, полководец, именем своим означивший эпоху в истории, — входит к каждому,

как простой собеседник, с предельной ясностью излагающий то, что насущно необходимо знать; и по прямому душевному, неколебимому закону приказ его — не только приказ Красной Армии, но приказ мне, тебе, каждому.

«Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. . . Борьба с немецкими захватчиками еще не кончена, — она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли. . . Немецкие захватчики яростно сопротивляются, переходят в контратаки, пытаются задержаться на оборонительных рубежах и могут пуститься на новые авантюры. Вот почему в наших рядах не должно быть места благодущию, беспечности, зазнайству».

Не будет места благодущию!

Мы не сразу черпнули полною мерою ненависть к немецким захватчикам. Да, мы исстари знали, что такое тупой, чванливый, жестокий немец, воспитанный под барабаном и капральской палкой. Наши великие писатели — Салтыков-Щедрин, Достоевский, Лесков, Глеб Успенский, Герцен изображали нам в незабываемых картинах нравы прусской военщины. Мы знали и учились ненавидеть с детства «жадной толпой стоявших у трона» Бенкен-

дорфов Дубельтов, Ренненкампов — пала-
чей русского народа, русской свободы, рус-
ской славы.

Мы все это знали, но мы не сразу могли
поверить, что гитлеровский режим в такой
мере развратил целые поколения немцев, что
перед нами оказались не люди, не подобия
людей, даже не дикари, даже не звери.

Что — звери! Мы оскорбили бы наше
представление о любом звере, сравнив его
с гитлеровским выродком. И какие дикари
стали бы с таким садизмом разрушать все,
что создано трудом и гением человека, как
немцы разрушали чудесный город Чернигов
лишь для того, чтобы с отвратительным, умо-
помрачающим цинизмом, с хохотом ставить
доски с надписями: «Улица развалин», «Пло-
щадь смерти»?

Нет, не будет места благодущию! Ничто
не остановит сейчас ярости поднявшегося
народа! Поруганная земля требует отмщения,
пепел сожженных городов и деревень, пепел
наших национальных святынь — Новгорода,
Чернигова, Истры, Волоколамска — стучит
нам в сердце!

Когда французский парламентар генерал
Лористон жаловался Кутузову на русских
партизан, беспощадно истреблявших францу-
зов, великий русский полководец ответил:

— Ежели бы даже я и желал изменить образ мыслей народа, то не мог бы успеть в этом, потому что русские считают эту войну вторым нашествием татар, и я не в состоянии переменить понятие целого народа.

В приказах Сталина в неизмеримо большей степени воплощено «понятие целого народа».

Вот почему, читая и слушая приказ, сотни миллионов повторяют в своем сердце, как клятву, три слова:

— Смерть немецким захватчикам!

Вот почему, когда говорит Сталин, — говорит страна, говорит весь многонациональный Советский Союз. Вождь советских народов — он воплощает их волю, сознание, страсть, требовательность, упорство.

Мы помним его требования к советскому государственному деятелю:

Быть ясным и определенным, как Ленин, бесстрашным в бою и беспощадным к врагу, каким был Ленин, свободным от паники, от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, мудрым и неторопливым при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, быть правдивым и честным, каким был Ленин, любить свой народ, как любил его Ленин.

Мы прожили двадцать месяцев нашей жизни, время Отечественной войны. Короткий срок по счету человеческой жизни, ничтожный! Но какие горные хребты времени мы прошли! Какие народные силы выковались за этот срок! И в этом спокойном, хотя и учащенном биении народного сердца какая огромная вера в вождя!

В эти дни величайших испытаний Сталин оправдал в самой высокой форме поставленные им требования.

Когда в первые дни злодейского и вероломного нападения гитлеровских орд на Советский Союз Сталин выступил по радио с памятным обращением: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!», он, не скрывая размеров нависшей над страной грозы, с ясным и правдивым, спокойным мужеством сказал:

«Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение».

Когда гитлеровские полчища подступили к Москве и сколько людей за рубежом, даже из числа наших друзей, уже уверились в близком и трагическом конце Советского государства, когда Гитлер бесновался, уже предвку-

шая ослепительное для него торжество вступления в Москву, — мир был потрясен бесстрашной и мудрой речью Сталина о провале гитлеровской тактики «молниеносной войны» и неминуемости разгрома немецких империалистов.

Как бесстрашно руководил Сталин боевыми действиями на подступах к Москве, с какой беспощадностью к врагу призвал Сталин истреблять всех захватчиков до единого, как свободен от паники, от всякого подобия паники был Сталин в период наших наибольших неудач на фронте и наибольших удач врага, — об этом хранят благоговейную память миллионы советских сердец.

А какую мудрость проявил он при решении сложных вопросов, сложнейших вопросов, когда-либо выпадавших на волю и мозг человека, при всестороннем учете тысяч обстоятельств, каждое из которых могло привести к неблагоприятным последствиям, — этому будут изумляться грядущие поколения.

Любить свой народ, как любил его Ленин, — требует Сталин. Но какую мерой можно измерить любовь Сталина к народу и любовь народа к Сталину? Это — одно целое и неколебимое!

23 февраля 1948 г.

БОГАТЫРЬ ВОЛИ И ТРУДА

Сегодня мы отмечаем семидесятипятилетнюю годовщину со дня рождения великого русского писателя А. М. Горького.

Каждый писатель воплощает в своих произведениях опыт своей жизни, передает опыт виденного, слышанного, пережитого им. И чем шире этот опыт, чем шире кругозор писателя, чем глубже анализ всего виденного и пережитого им, тем крупнее писатель и тем значительнее и долговечнее его произведения.

Но есть писатели, которые воплощают в своем творчестве не только опыт своей жизни, но опыт целой эпохи, и таких писателей мы называем великими. Воплощая опыт целой эпохи, великий писатель отражает и коренные, национальные черты своего народа, последовательно и ярко выражает чаяния и стремления широчайших народных масс.

В. И. Ленин писал о Льве Толстом, что он отразил эпоху наступления капитализма на патриархальное крестьянство России, эпоху внедрения капитализма в деревню, отразил смятение крестьянских масс, еще мало осознанное движение против враждебного им мира. Они уже ненавидели этот враждебный им мир, но еще не дошли до сознания необ-

ходимости последовательной, непримиримой борьбы с ним.

Деятельность Горького отразила опыт другой эпохи, эпохи подъема героического русского пролетариата, совершившего величайшую в мире революцию. Горький был вестником и глашатаем бури, возродившей Россию на новых началах.

Эпоха восстания пролетариата во главе демократических масс России вела от раздвоения воли и сознания к целеустремленности воли, к титаническим усилиям коренного переустройства родины. И весь дух эпохи, ее идей, ее сознания был связан с этим становлением и укреплением национальной воли.

Нельзя понять Горького, не уяснив, какое место в его творчестве занимает проблема национальной воли. Можно даже сказать, что во всем его творчестве от первой до последней строки, начиная с рассказа «Макар Чудра» — о таких волевых людях, как Радда и Лойко, которые предпочли смерть внешнему принуждению, до последних страниц романа «Жизнь Клима Самгина», где Ленин является на броневике на площади Финляндского вокзала как воплощение новой, всенародной воли, — мы всюду видим решение именно этой проблемы.

Вся литературная деятельность Горького проникнута страстной идеей — возбудить актив-

ность творческих сил народа. «Вперед и — выше! — Вы знаете, что это мое старое, — писал он мне в одном из писем, — и, может быть, только это и есть у меня».

Очень простые и скупые слова. Но в них — пласты большого времени, в них отражены колоссальные усилия и блистательные победы целой эпохи.

Самая жизнь его как бы символизировала неисчерпаемость сил русского народа. Каким воспитанием воли, каким напряжением всех интеллектуальных и физических сил в с т о я л он свою трудную, замечательную, огромную жизнь!

С детства он сам завоевывал себе все: право на развитие, право на чтение, на духовный рост, на жизнь человеческую, а не свинскую.

И о самом тяжелом, поистине страшном периоде своей жизни, о времени казанских скитаний он писал:

«Чем труднее слагались условия жизни, тем крепче и даже умнее я чувствовал себя».

Это — тоже знаменательные слова. В них — и наша национальная воля, и великая сила русской земли. Не раз приходилось ей выносить тяжелейшие испытания, не раз смертельная угроза нависала над ней от нашествия завоевателей. Но все преоборола она, в самые трагические годы выстояла она свою нацио-

нальную независимость, и чем труднее слагались условия, тем крепче и умнее становилась русская земля!

И сейчас, в дни несравнимых с прошлым испытаний, мы с великой гордостью говорим: уже слабеет жесточайший и сильнейший враг, когда-либо нападавший на нашу землю, и все более крепнет мудрая русская земля во главе со своим вождем, воплотившим в своем лице неистощимые духовные силы советских народов! А причины и следствия происходящего видны всему миру: советский строй прочен, как никогда!

Вот почему, отмечая годовщину со дня рождения Горького, мы чествуем память не только писателя с мировым именем, но и нашего народного гения, вот почему мы называем Горького великим национальным писателем.

Не только потому, что творчество его проникнуто народными образами, что в произведениях его так метки и сильны прожилки народной мудрости, что такое в них богатство поговорок, пословиц, песен, легенд и сказаний. А потому, что в своих устремлениях, в своих страстных поисках Горький явился выразителем воли широчайших масс, и его воля, горьковская воля — не с неба упала, она — от великой воли и стойкости русского народа.

Почему мы в периоды самых тяжелых испытаний Великой Отечественной войны всегда были уверены в конечной победе? Потому, что наша народная воля ковалась веками, еще со времен создания народом гениальных образов русских богатырей.

Богатырем воли и труда был Горький. Знавшие Горького в его быту — знали его изумительную, неисчерпаемую энергию. «Я слишком русский, — писал он в 1910 году, в один из очень трудных периодов своей литературной деятельности, — хорошо заряжен с юности, и пороха у меня хватит надолго».

Чтобы так уверенно и гордо указать источник своей энергии, нужно очень крепко чувствовать свою связь с народом и его историей. И Горький всегда восставал против всякого искажения роли народа в истории. Когда в 1912 году в одном журнале появилась статья о войне 1812 года, в которой носителем «духа нации» признавалось дворянство, Горький выступил с возражениями против такого вывода, «невозможного, неправильного и странного».

«12-й год, — писал Горький, — эпоха неясная, наша история еще не успела всесторонне осветить это время. Мы знаем, как Москва была сожжена, но не знаем, при каких условиях она восстанавливалась. Есть данные думать, что народ, защищавший родину, чувствовал себя хозяином ее, и очень возможно, что,

по скорости, эти данные будут подтверждены изданием мемуаров, относящихся к тому времени и пока еще не публиковавшихся».

Не будучи историком, не располагая документами, Горький с глубокой убежденностью защищал точку зрения, впоследствии полностью обоснованную нашей наукой.

Соответственно такому взгляду и в былинных богатырях Горький видел воплощение трудовых подвигов построения русской земли, память о которых бесписьменный еще народ оставил в песнях.

Внимание и любовь к народному творчеству Горький не устал пропагандировать среди писателей:

«Всегда, неутомимо точите ваше оружие, изучайте неисчерпаемо богатый, мягкий, прекрасный язык народа! Он может дать вам силы для выражения чувств и мыслей, доступных гению».

И в критической части своего творчества Горький в негативной форме решал те же проблемы национальной воли.

В 900-х годах он пишет ряд пьес, в которых с возрастающей страстностью ставит вопрос об ответственности интеллигенции перед родиной и историей, разоблачает людей раздвоенного сознания, людей искривленной воли, отмечает отживающие силы, ищет творческое начало и растущие силы жизни.

Когда-то в ответ на упреки в том, что в «Ревизоре» нет ни одного честного лица, Гоголь сказал: «Мне жаль, что никто не заметил честного лица, это честное лицо, действующее в пьесе, — смех».

В пьесах Горького, полных людьми безвольными, тряпичными, которые даже застрелиться, убить себя не смеют и не умеют, людьми, которые «ни богу свечка, ни чорту кочерга», всегда присутствует другое действующее лицо, — негодование, презрение, призыв к волевому, творческому началу жизни.

Да и все творчество Горького проникнуто этим призывом. От ранних образов его первых рассказов — Челкаша, плотовщика Силана, рыбацки Мальвы, людей цельного, сильного характера, противопоставленных дряблым, размагниченным людям; через изображение даровитых кондовых купцов, которых Горький писал с завистью: это — чужие люди, они враждебны новой, демократической России, но какая у них воля, умение, упорство и мастерство, это — русские люди, которые родились «не на той улице» как он впоследствии определил купца Булычева; через образы героев «Матери», людей, которые, по слову одного из персонажей романа, предвещают, что Россия «будет самой яркой демократией мира»; через огромную галерею замечательно запечатленных фигур до большевиков романа

«Жизнь Клима Самгина» Горький все время говорил о людях сильной воли, все время разоблачал людей раздвоенного сознания, имея одно страстное желание — воскрешение национальной воли для борьбы за свободу и счастье страны.

Творческим силам человека Горький не видел предела. «Человек — чудо, — писал он, — единственное чудо на земле, а все остальные чудеса ее — результат творчества его воли, разума, воображения. Он и богов выдумал потому, что все хорошее, что он в себе чувствовал, он не мог воплотить в реальную жизнь».

И такова была его страстная воля к труду, к «красоте деяния», что он, бывало, всерьез обсуждал проблему бессмертия человека... «Было бы разумно и экономно, — писал он, — создать людей вечными, как, надо полагать, вечно вселенная...» Ему мало было долголетия, он требовал неограниченного во времени бытия, — не потому ли, что силы его жизнедеятельной страсти были поистине неиссякаемы.

Такой неиссякаемой энергии он требовал и от других. «Некто Николай Браун, — писал он, — в 4-м сборнике «Зиф»-а напечатал стихи, последние строки которых говорят: «...бежать вперед и грохнуться мешком, и тут, в последний раз, ничком, теряя землю из-под

ног, еще податься на вершок» — это человек правильно понимающий жизнь».

В повести «Все то же» говорится: «Люблю свой народ, цены ему нету!.. У нас народ из чугуна литой, на долгие века народ...» «Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческие силы!» — не уставал говорить Горький.

«Народ, — писал он, — не только — сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Странник Иона в повести Горького «Исповедь» так выражает его задушевнейшие мысли:

«Что ты знаешь о народе?.. Знаешь ты, что такое Русь?.. Знаешь, чьей волей и духом все государства строились? На чьих костях храмы стоят? Чьим языком говорят все мудрецы? Все, что есть на земле и в памяти твоей, все народом создано»...

«В народе — все начала, в его силе все возможности»... — говорит в повести «Солдаты» бесстрашная пропагандистка Вера. А пропагандист Федор Дядин в одноименном рассказе на вопрос, не старовер ли он, — отвечает:

«Весь народ — старовер! Издавна, неискоренимо верует он в силу правды — о рабочем народе говорю, который все начал на земле и всех породил... Что исходит из народа, из его великих трудов и мучений — это уж непобедимо! Навсегда! Это—дойдет до конца...»

И не было у Горького произведения, в котором в той или иной форме не была бы выражена эта горячая вера, это глубокое убеждение в могучих, хотя и скрытых до поры до времени силах русского народа.

Еще в 900-х годах Горький писал поэму в стихах, героем которой был былинный русский богатырь Василий Буслаев. В былинах о нем пелось:

Отдавала матушка родная
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла.
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло.
Отдала пенью учить церковному,
Пенье Василью в наук пошло.

Горького очень пленял этот мотив творческой силы русского богатыря. В его поэме «Буслаев мечтает о труде всемирном, который украсил бы землю, как невесту, расцветил бы ее изумрудом.

— Эх-ма, кабы силы да поболее мне!
Жарко дохнул бы я — снега бы растопил,
Круг земли пошел бы, да всю землю распахал,

Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил, да сады все садил!

Нетрудно видеть, что это была горячая мечта Горького о всемирном значении труда и о роли в нем русского народа. «Нет богатыря более русского, — говорил Горький Конст. Федину о Василии Буслаеве, — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потрудился славно!»

Он мечтал много лет и о том, чтобы побудить кого-либо из русских композиторов написать оперу о Василии Буслаеве и о том, чтобы партию Буслаева пел гениальный русский артист Шаляпин.

«...Чтобы петь всем людям о России, показать всем, как она — внутри, в глубине своей — талантлива и крупна, обаятельна. Любить Россию надо, она этого стоит, она богата великими силами и чарующей красотой».

Неколебима была его вера в великие силы своего народа и питалась она не книжными источниками, не абстрактными, раз навсегда данными мыслями, но повседневными наблюдениями. А глаза у него были чудесной зоркости, и опыт его жизни по своей вместимости был изумителен.

В одном из писем 910-х годов он писал:

«Мы с вами пребываем в стране, где сотни миллионов черепов, полных доброго мозга,

еще не научились пользоваться силой опыта, еще чуть тлеет этот хороший мозг. И — вы представьте — вспыхнет, загорится, — воссияет? Ведь это же необходимо!

Очень я люблю российский народ — в будущем его. Люблю и люблюсь. Вот и сейчас около меня разная публика — хороши, талантливы наши люди!»

«Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным, — писал Горький в другом месте. — Я думаю, что когда этот удивительный народ отмучается ото всего, что изнутри тяготит и путает его, он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот и уставший, и обезумевший от преступлений мир».

Великая Октябрьская революция и последовавшее за ней строительство социализма осуществили мечты Горького с ослепительной яркостью. Ведь Горький предлагал своему адресату только представить — что будет, когда — «вспыхнет, загорится, воссияет!»

Много, часто и с какой вдохновенной преданностью своему народу говорил о нем Горький, о великих подвигах его в истории, о его стойкости в испытаниях, о его одаренности и скрытых в нем творческих силах.

Но было бы неправильно, разумеется, представлять его в какой бы то ни было мере писателем национально ограниченным. Русский

богатырь Василий Буслаев мечтает о всемирном труде.

И не было большего счастья для Горького, как думать о значении русского творчества для всемирной культуры.

А с каким вниманием и постоянством, с какой сосредоточенной заботой издавна работал Горький для познания и пропаганды культуры народов, поставленных в историческую связь с русским народом!

Еще в 1912 году он писал:

«Можно очень быстро организовать сборники произведений сибирских и белорусских, украинских писателей, латышский и татарский — казанских татар. Затем не трудно составить сборники грузинский, армянский, польский, финский и т. д.»

Так пропагандировал Горький дело, которому придавал важнейшее значение.

Но организовать такие сборники при участии виднейших сил русской литературы ему удалось только в годы первой мировой войны.

А в советскую эпоху, когда упали преграды царской цензуры, мешавшие пропаганде национальных культур, это дело явилось для Горького делом непрестанной заботы. Можно сказать, что не было ни одного большого организационного вопроса, с которым Горький не связал бы вопрос о культуре братских народов.

Подъем раскрепощенного творческого труда народов Советского Союза наполнял Горького радостью и торжеством.

«Я пишу сейчас в том настроении, которое на утренней заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды»,—так говорил он в последние годы своей жизни.

Рост культуры советских народов Горький ценил как величайшее завоевание. Гневом и яростью наполняла Горького одна мысль о возможности нападения на Советский Союз, и разоблачение поджигателей войны стало одной из постоянных и волнующих тем его статей.

Еще в 1928 году он писал о положении в Западной Европе:

«Жизнь становится все более отвратительна обнаженным цинизмом своим. Человеку нечем дышать... Атмосфера, все сгущаясь, грозит разразиться бурей, которая разрушит и сметет все культурные достижения человечества; против этой возможности работает только Россия».

И с возникновением угрозы фашизма, в 1932 году, писал:

«Наступил момент, когда и слепым, и глухим должно быть совершенно ясно, что безответственная кучка грабителей чужого труда,

организация паразитов человечества грозит разрушить культуру...»

«Фашизм Италии, — писал Горький, — мечтает о власти Рима над миром, Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством»... нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно!» «...Бред и есть основное содержание фашизма. Совершенно ясно, что над Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить».

Горький разоблачает гитлеровское государство как организацию оболваненных немцев во главе с гнуснейшими мерзавцами.

«Выдвигая на посты своих вождей авантюристов, прибегая к террору как единственному приему самозащиты, немецкие лавочники объявили единственным средством спасения своего фашизм, т. е. организацию различных отбросов человечества в армию бандитов...»

Так метко и точно характеризовал он процесс возникновения политической власти фашизма. Этих властителей Горький называл «дураками в коронах набекрень и со свинцовыми мозгами под черепом».

А власть фашистов, по словам Горького, есть следствие «одичания, озверения и отчая-

ния». Она означает эпоху «кровавых попыток возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья».

Гитлеровские бандиты, по выражению Горького, являются «продуктами вырождения», наемниками, потребовавшимися для деяний «самых подлых, мерзких и кровавых».

Учение фашистов, их теорию «расизма» о преимуществах германской «расы», о праве на порабощение ею всех других народов Горький называет «постыднейшей и бездарной выдумкой старчески разжиженного, неизлечимо загнившего мозга».

Чтобы прочнее укрепить свое господство, фашизм лихорадочно стремится отравить трупным ядом своей идеологии возможно большее количество людей, предназначенных для того, чтобы пролить свою кровь во имя его чудовищного авантюризма.

«Вооружая подростков и юношей, кроме револьверов, отжившими идеями национализма и расизма, воспитывая в молодежи социальный цинизм, садическую страсть к убийству, разрушению», фашисты обрабатывают свою молодежь как яд, который будет влит в кровь немецких армий, вооруженных современной механической техникой человекоистребления.

Еще в 1934 году Горький предвидел хищнические стремления фашистов, утверждал,

что они готовят новую мировую войну. «Мелким странам снова угрожает опасность... у них снова хотят отнять право свободного развития их культур».

Фашистская «теория права белой расы на единовластие в мире разрешает... рассматривать не только всех цветнокожих людей, но и белых своих соседей европейцев, как варваров, подлежащих порабощению и уничтожению».

И безумие хищников, подготовляющих на этой основе новую войну, «невозможно излечить красноречием, тигры и гиены не едят пирожных... Человечество не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха перед жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства — акт величайшей справедливости, и акт этот история повелевает совершить...»

Можно сказать, что в эти годы, 1933—1936, с момента возникновения фашистского государства и до самой смерти своей Горький — в статьях, письмах, беседах, речах — не уставая разоблачал фашизм, ненавидя его сосредоточенной ненавистью. «Фашизм, — писал он, — наглейший разбой». «Фашизм — отрицание культуры, проповедь войны, крик обесиленного о желании быть сильным».

Фашисты «явились миру в виде совершенно обнаженном, без штанов, в собственной коже, как жабы». Бездарными авантюристами называл Горький фашистов, «вся сила которых в их циническом бесстыдстве и жестокости бешеных свиней».

Фашизм и расовую теорию он называл «цинически обнаженной проповедью вооруженного грабежа». «Гитлер и подобные ему мошенники, — писал Горький, — не могут жить, не организуя массового истребления народов, они — профессиональные убийцы... Известно, что мы, люди Союза Социалистических Советов, мешаем жить группе всемирных грабителей и убийц и что они очень хотели бы частью — уничтожить нас, частью — обратиться в рабство».

«Мы живем в атмосфере ненависти к нам... нам тоже нужно уметь ненавидеть...» Ненависть, писал Горький, должна воспитываться на органическом отвращении к врагу, как существу низшего типа.

«Я совершенно убежден, что враг действительно существо низшего типа, что это — дегенерат, вырожденец физически и «морально». В этом вопросе на моей стороне данные статистики роста преступлений, данные психопатологии, сексуальных извращений...»

«Пред нами неизбежность нападения врагов, пред нами — небывалая по размаху война,

которую организует сволочь... выродки истории, паразиты, которым не откажешь в иезуитской талантливости, наблюдая их подлость, бесчеловечье, цинизм».

«Имеем ли мы право, — спрашивает Горький, — ненавидеть этих одичавших, неизлечимых дегенератов — выродков человечества, эту безответственную шайку явных преступников, которые наверно попробуют натравить свой «народ» и на государство строящегося социализма?»

Подлинный гражданин Советских Социалистических Республик «не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему. Наше право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано».

Когда в 1935 году собрался в Париже съезд прогрессивных писателей, Горький не замедлил послать свое обращение, в котором писал:

«...Фашизм все более нагло заявляет о себе как об отрицании всего, что существует под именем европейской культуры.

По инициативе литераторов Франции честные литераторы мира выступают против фашизма и всех мерзостей его.

Прекрасное намерение, вполне естественное для «мастеров культуры», и следует уверенно

ожидать, что мастера наук последуют примеру людей искусства.

А затем нужно понять: история с предельной ясностью показала нам, что логика гуманизма не доступна пониманию двуногих волков и кабанов...»

Так всегда и во всех своих высказываниях о фашизме Горький требовал сокрушительного вывода в отношении к нему, требовал безоговорочного уничтожения его как позорнейшего явления, отравляющего наш мир.

И последняя большая статья Горького, написанная им за два месяца до смерти и посвященная литературе, также проникнута неугасимой ненавистью к фашистам и является как бы его завещанием.

Фашизм, писал в этой статье Горький, «по сути его, является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей, для воспитания их домашними животными...»

Высочайший гуманизм — в беспощадном истреблении этих выродков для счастья всего человечества. Не для того сияла тысячелетиями человеческая мысль, чтобы привести народы под ярмо гитлеровских выродков, превратить их в домашних животных фашизма.

И в такой же мере, как велика была его ненависть к этому тупому, смрадному, враждебному всякому творческому началу явле-

нию — фашизму, к «издыхающим грабителям земли», в такой же мере велика была его любовь к Красной Армии, опоре и защитнице самой великой силы на нашей планете — Советской страны.

«За всю трагическую историю Европы, — писал Горький, — Красная Армия — действительно народная армия, созданная не для нападения, а для самозащиты».

«Наше оружие не только в руках бойцов умной, отличной Красной Армии, оно в мудром, спасительном для всего мира учении Ленина—Сталина, оно в грандиозной работе развития и накопления трудовой и боевой энергии, необходимой для нашей самозащиты».

Об этой силе, об этой энергии советского бойца, питаемой творческими истоками страны социализма, Горький писал красноармейской газете:

«Проходят мрачные времена, когда побеждала грубая сила грабителей. Теперь в мире растет бесстрашная разумная энергия пролетариата. Каждый боец должен чувствовать себя вместилищем этой непобедимой энергии».

«В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать, — это Красная, наша армия. Ее боец не говорит «не могу знать», он имеет право и должен знать все или как можно больше». «Боец Крас-

ной армии — гражданин своей страны, хозяин, страж и строитель ее будущего».

Горький страстно хотел дожить до того времени, когда будет раздавлен фашизм, когда развеется над миром его кровавый туман, когда грянет решающая победа, которая закончит с этим ядовитым отребьем прошлого.

Это будет битва, писал он, где против армий «обманутых рабов» «встанет армия, каждый боец которой будет хорошо знать и чувствовать, что он бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властителем своей страны. Этот боец и победит».

Лютой злобой отвечали фашисты Горькому. Черное дело убийства Горького, осуществленное их агентурой, останется величайшим позором, которым клеймены эти выродки человечества.

Алексея Максимовича с нами нет. Но его воля и его смелость, его ярость и его стойкость везде — и в защитниках наших городов, и в столь любимой им Красной Армии, и в рабочих-героях, самоотверженно кующих оружие победы.

Призыв Горького к беспощадному уничтожению врага прозвучал в приказе Народного Комиссара Обороны товарища Сталина:

«Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: «Если враг не сдается, — его уничтожают».

Сейчас Красная Армия одерживает еще невиданные, еще небывалые в истории победы. Небывалый подъем творческих сил мы видим и во всех областях народного труда. Этот подъем нравственных сил проявился и в могучей народной инициативе, призвавшей все силы жизни, души и таланта положить на заботу о Красной Армии, проявился и в великом техническом оснащении и гениальном изобретательстве, в героическом труде бойцов тыла, на гребне этого подъема перевооруживших страну в боях.

Еще и еще раз убедился бы Горький в силе своего народа и во всемирном значении его подвигов, снова и снова — и с какой высокой силой! — зазвучали бы сейчас его призывы.

Горький, его жизнь, его работа, его стремления, его гений, это — наши богатырские былины, наша русская песня, наш могучий язык, наша национальная воля. Это — героический русский пролетариат, совершивший величайшую в мире революцию, это — народ, поднявший сказочный труд сталинских пятилеток, это — наша стойкость в обороне и стремительность в наступлении, наши победы, наш труд, наша слава.

28 марта 1943 г.

КИРОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

Это было время, когда страна после четырех лет империалистической и трех лет гражданской войны еще залечивала раны, еще восстанавливала свои силы. Орды белогвардейцев и интервентов были отброшены, но внутри страны еще таилось предательство, скрытое, замаскированное и потому наиболее подлое. В это трудное время в Ленинград был призван человек огромной воли, большого сердца и светлого ума — Киров.

Один из блистательных полководцев гражданской войны, он был похож на полководца и в социалистическом строительстве. Да и сам он не раз говорил, что строительство социализма — это тоже война, а негодная работа — измена родине и социализму.

Как полководец на войне, он не знал отдыха и всякую самоуспокоенность бичевал особенно жестоко и называл ее злейшим врагом. «Нам с вами, — говорил он, — дорога только вперед и только к победам!»

Ленинградская промышленность под его руководством стало передовым арсеналом советской тяжелой индустрии, изготавливая оборудование для крупнейших новостроек, работая на всю страну. Под его руководством рекон-

струировались старые, выросли новые заводы, появилось крупное машиностроение, положено начало целому ряду новых отраслей индустрии.

Рабочий Ленинград засверкал новыми огнями, зашумел новыми, еще небывалой здесь силы моторами. На XVII съезде партии Киров имел все основания сослаться на меткое слово ленинградских рабочих, говоривших, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым.

Под руководством Кирова наша северная, искони нищая деревня на основе коллективизации возродилась к новой жизни, — Ленинградская область превратилась из потребляющей в производящую, в одну из крупных производящих областей Советского Союза.

С именем Кирова связано и невиданное, чудесное возрождение всего нашего севера, появление новых богатств. Апатиты, никель, железо, уголь — все богатства земли строим для службы социализму. Загорелись на севере огни новых электростанций, прошли новые дороги, зародились новые города. «Нет такого места на земле, — говорил Киров, — которое нельзя было бы поставить на службу социализму».

И наш город, наш Ленинград, обновленный, возрожденный к новой жизни Ленинград,

с новыми районами, с домами культуры и стадионами, озеленяемый, асфальтированный, горячими заботами и любовью украшенный и благоустроенный город, — и здесь широкое начало положено трудами Кирова.

Горький когда-то мечтал создать могучий образ русского богатыря Василия Буслаева, всю силу свою положившего на то, чтобы разукрасить землю, как невесту, одеть ее изумрудом, города городить, церкви строить и сады все садить. Горький убежденно говорил, что именно такой образ — наиболее полный образ русского богатыря.

Киров, вышедший из самых глубин нашей родины, из вятских земель и лесов, в яркой и широкой форме воплотил великие черты своего народа, народа, который с таким упорством, с такой волей и с таким гением строил прекрасные города, изумительные храмы, прокладывал дороги в неведомых землях и осваивал колоссальные пространства, словно побуждаемый горячей мечтой Буслаева — всю землю распахать.

И не эту ли энергию Киров в Ленинграде поставил на службу социализму во имя великих идей освобожденного труда?

Давно известно, что настоящее величие — в простоте. И обаяние Кирова было в этой необычайной простоте. Ленинградские рабочие называли его — наш, родной, Мир о-

ны ч... — они, казалось, не находили слов, чтобы с такой полной сердечностью выразить ему свою любовь, потому что Киров со своей помощью и одобрением был всюду, — и на виду у всех, и в то же время словно стоял у плеча каждого.

Вот он всходит на трибуну, коренастый, немного грузный, лицо его озабочено... И вдруг он широко улыбнулся, словно говоря: вот, наконец, случай поговорить с друзьями по душам.

Зал отвечает ему встречным движением, невольными улыбками.

Он начинает говорить, и с первых же слов возникает ощущение необычайной ясности мысли.

Он говорит о достигнутом, и его голос полон легкой, сдержанной, веселой гордости; он дает цифры, и цифры в его речи живут такой реальной жизнью, что каждый участник наглядно видит, чувствует — и его доля труда здесь вложена.

Но Киров говорит уже о том, что еще предстоит, о трудностях, которые еще впереди, о крутом подъеме, который еще нужно преодолеть, о необходимости напрячь все силы. И, говоря так о рядовой нашей, будничной работе, переходит к ответственности перед историей, перед человечеством, — голос его

звучит все тверже, все громче, и вдруг — искрометная шутка врезается в его речь, — словно вздох проходит тогда по залу, смех, и в сознании слушателей проведена черта: все преодолимо, все выйдет, нужно только снова навалиться, снова налечь, нажать и — все будет так, как говорит Киров...

А Киров говорит уже о богатствах страны, о великом городе, о наследии, которое мы должны тысячекратно приумножить... и тут же дает сатирический, уничтожающий портрет негодного работника, тут же говорит о таких будничных «мелочах», что каждому низовому работнику в деталях ясны и его ошибки, и то, как он должен работать впредь...

И снова Киров говорит о необходимости непрерывного движения вперед, непрерывной тревоги за общее дело. Никакого самоуспокоения, никакой остановки, никакого самотека! Железной логикой обосновывал Киров грядущие победы, и так велик был его оптимизм, оптимизм борьбы, оптимизм труда, оптимизм победы, что в овациях, которые неслись к нему после его речи, чувствовалось, как вдохновение его речи переключалось на вдохновение труда. Его знаменитое восклицание в одной из его речей: «Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить!» — это восклицание в необычайно яркой форме пере-

дает такое вдохновение, такое слияние своего, личного с делом общим, с делом родины, революции, социализма.

Под стенами нашего города еще стоит жестокий и гнусный враг.

Враг этот знал, чего стоит Ленинград двадцатых, тридцатых годов нашего столетия, Ленинград, расцветавший и возрожденный трудами Сергея Мироновича Кирова, трудами его преемника Андрея Александровича Жданова.

Враг знал о богатствах города, о его колоссальном военном значении, но он ошибся, думая, что сломит же в конце концов сопротивление его населения.

Плохо была поставлена его разведка. Иначе она сообщила бы, что граждане Ленинграда, дух которых воспитывал Киров, которых ныне ведет Жданов, не побоятся никаких лишений, никаких трудностей, никаких жертв.

«На наших знаменах, — говорил Киров, — кровью лучших из нас было написано «смерть или победа», и мы смело шли туда, где была смерть, но мы твердо знали, что, умирая, мы обеспечим победу».

И Ленинград победил.

1 декабря 1943 г.

ПРУССАКИ

Немецкий фашизм останется долго несмыслаемым позором человечества.

Как могло случиться, что шайка авантюристов-гангстеров, нравственных уродов, могла в такой степени растлить целые поколения немцев?

В последнее мое свидание с Алексеем Максимовичем Горьким у нас зашла речь о немцах. Алексей Максимович с возмущением говорил о моральном уровне среднего немца, о том, что он называл в нем «избытком дисциплины», переходящим в рабскую угодливость перед всяким, кто взял в руки капральскую палку.

Корни этой психики были взращены феодальной Пруссией, круто замешанной на мешанстве. Генрих Гейне называл ее «Тартюфом среди государств».

Опруссачиваемая Германия, что называется, из кожи лезла, стремясь подавить, где только было можно, свободолюбивое движение других народов.

«Вина за эти гнусности, — писал Карл Маркс, — с помощью Германии учиненные в других странах, падает не только на правительство, но в большой мере и на самый германский народ. Не будь его ослепления, его

рабского духа, его пригодности и готовности играть роль ландскнехтов, «благодушных» палачей и послушных орудий господ «божьей милостью», — немецкое имя не было бы так ненавистно, проклинаемо и презираемо...»

Маркс писал это в 1848 году, после мартовской революции в Германии, призывая демократию добиться отказа от кровавой политики угнетения и принять принципы международной политики демократии.

Но половинчатая и незавершенная мартовская революция окончилась жалкой комедией. Историк Германии XIX века отметил, что прусский король Фридрих-Вильгельм, присягая конституции, уже помышлял об измене ей, «не без основания рассчитывая на тупую покорность своих подданных и на их почти безграничную угодливость».

Действительно, король кое-что понимал в своих подданных, развязывая себе руки для новых гнусностей.

«Никогда еще,—писал Герцен,—ни в одной стране не было видно зрелища более низкого, более постыдного, чем поведение германских правителей в 1849 году... Зрелища этих предательств, клятвопреступлений, жестокостей, одновременно кровожадных и мелочных... привели в ярость последних свободных людей Германии, не склонившихся перед реакцией; это было больше, чем негодование: сердце

наполнялось непреодолимой жаждой отмщения и возмездия».

Генрих Гейне перевел эту ярость на язык бичующей поэзии, и нет в мировой поэзии другого примера такой силы сарказма, как в поэме Гейне «Германия».

«Богиня Гаммония» предлагает поэту заглянуть в будущее Германии: для этого он должен был сунуть голову в отверстие «ночного кресла» немецкого монарха.

Ни слова о том, что я увидел, —
Присяга мне жизни дороже, —
Не знаю, могу ли я рассказать,
Чего там нанюхался, — боже!..
Но уж затем поднялся дух
Воистину прямо адов,
Как будто чистили зараз
Все тридцать шесть ретирадов.¹
Мерзавцы, которые сгнили давно,
Исторически только воняя,
Они испускали последний яд,
Смесь падали и негодяя...
И пахло кровью, вином, табаком,
Висящими подлецами...
И пахло пуделем, мопсом, хорьком,
Которые нежно лизали
Плевки властей, и с чистой душой
За трон и алтарь издыхали...
Но этот германский грядущий дух
Все превзошел вероятья,
Все, что мог представить мой нос, —
И больше не мог дышать я.

¹ Тридцать шесть обособленных монархий, на которые тогда распалась Германия.

Наш Белинский писал: «Германия — государство позорное и г... В Германии много гофратов, филистеров, колбасников и других гадов».

Бесчисленны высказывания великих и выдающихся умов, с недоумением, презрением, тревогой отмечавшие эту косную силу немецкого мещанства, воспитанного палочной дисциплиной и веками рабской жизни под эгидой прусских королей, этой «семьи капралов», как называл их Маркс.

Мещанин, по самой своей природе, ограничен, и чем более он ограничен, тем более легко и лестно ему думать, что он выше других людей.

Маркс и Энгельс неоднократно разоблачали «надутое национальное чванство» немцев, их претензию считать себя «призванными чинить суд над всем миром, разрешая всей истории найти в Германии свою последнюю цель». В 1859 году Маркс высмеивал газету «Augsburger Allgemeine Zeitung», которая писала, что «за исключением германской, все расы Европы разлагаются... остается прочной только одна Германия».

Отсюда уже рукой подать до «расовой теории», до «нации господ» и до немца-«сверхчеловека».

«Я не верю, чтобы судьбы мира оставались надолго в руках Германии, — взволнованно пи-

сал Герцен после побед пруссаков в 1866 году. — Это невозможно, это противно человеческому смыслу. . .»

Если до того времени реакционное пруссачество с помощью низкого предательства, вероломства, дипломатических интриг возглавляло всюду угнетение европейских народов, то с середины XIX века прусская военщина выступает все более и более как самостоятельная хищная сила со всеми чертами будущего разбойничьего германского империализма.

Вооруженный мещанин-стяжатель, мещанин-грабитель проявил себя во франко-прусской войне как явление характерное и позорное. В статьях об этой войне Энгельс заклеил пруссаков как мародеров, кравших у французов домашнее имущество и отсылавших его к себе в Германию.

Энгельс заклеил и неслыханные по тому времени зверства пруссаков над партизанами и мирными французами. «Все делается систематически и по приказу: окружают обреченную деревню, выводят жителей, захватывают продовольствие и поджигают дома. . .» В деревне Абли, насчитывавшей девятьсот жителей, все мужчины были расстреляны или зарублены.

Пруссаки панически боялись французских партизан, боялись этой народной войны против наглых захватчиков. Пруссаки побоялись и в

Париж ввести свои войска, в этот город, все еще грозный для них очаг народного восстания. По этому поводу Энгельс вспоминает, что от корыстных и озлобленных пруссаков в 1814 году оградил Париж русский император Александр I, а в 1815 году — Веллингтон.

О том, как омерзительна была прусская военщина после возвращения «победителей», есть много ярких свидетельств. Кажется, ни один русский писатель, побывавший в эти годы в Берлине, не прошел мимо этих картин.

«Делается положительно тесно, — писал Салтыков-Щедрин, — когда по улице проходит прусский офицер... грудь выпячена колесом, усы закручены в колечко... он всем своим складом, посадкой, устоем, выпяченной грудью, выбритым подбородком так и тычет в меня: я герой!»

Глеб Успенский писал о Берлине:

«Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, под которым в тугом воротнике сидит самодовольная физиономия победителя — попадают на каждом шагу, поминутно; тут отдают честь, здесь сменяют караул, там что-то выделывают ружьем, словно в помешательстве, а потом с гордым видом идут куда-то... В окне магазина — победители в разных видах: пропарывает живот французу и потом возвратившись на родину, обнимает свое се-

мейство... У иных одно лицо сделано величиною в аршин (из мрамора, из металла), причем усы, как бычачьи рога, стремятся вас запороть, положить на месте.

Насмотревшись на это, подите укрыться в портерную, но и там то же: сабли и палаши ездят по ногам, повсюду шевелятся усы, одни другим отдают честь и все вместе вновь пришедшему.

Но существеннейшая вещь — это полное убеждение в своем деле, в том, что бычачьи рога вместо усов есть красота почище прекрасной Елены. Спросите любого из этих усов о его враге и полюбуйтесь, какой в нем сидит образцовый сознательный зверь».

«Самуспокоение, гордость и совершенная вера в свое необъятное могущество чуть не опьянили всех немцев поголовно после франко-прусской войны, — писал Достоевский. — Народ, необыкновенно редко побеждавший, но зато до странности часто побеждаемый, — этот народ вдруг победил такого врага, который почти всех всегда побеждал... Тут уж нечего брать в соображение всегдашнюю самодовольную хвастливость всякого немца — исконную черту немецкого характера».

В упоении от побед, от пятимиллиардной контрибуции, полученной с Франции, от притязаний на вселенское господство неизмеримо раздулось самомнение немецкого мещанства.

Разлив пошлости в «империи» Вильгельма II был невообразимым, начиная от чудовищной по безвкусию «Аллеи побед» в Берлине до пасхальных открыток с изображением свиного зада или женщин, сидящих в уборных; от среднего немца, опивавшегося пивом, до всемирного пошляка императора, на автомобиле которого рожок исполнял «шествие богов в Валгаллу», этого фигляра с усами вверх стрелой (эволюция «бычачьих усов!»), выступавшего с ханжескими речами и в одеянии лютеранского пастора.

«Сегодня, — писал выдающийся польский писатель Генрих Сенкевич, — душа немецкого народа опутана пруссаками. Идеал, который ей навязан, — это сила и богатство. Понятие немецкой «родины» в настоящее время состоит в том, чтобы немецкий желудок мог переварить возможно больше, и чтобы спокойствие его во время этого переваривания зорко охранялось здоровенным солдафоном».

В своем моральном падении хищное немецкое мещанство действительно зачеркнуло все, кроме идеала — «силы» и «богатства», т. е. штыка и контрибуции.

Сорок лет оно, охмелев от своей удачи 1870 года, спало и видело во сне контрибуцию, еще большую, чем взятую с французов. И в угоду этому пережравшемуся мещанству Вильгельм, напав на Россию в 1914 году,

спешил налагать контрибуции на все русские города и городки, какие только удавалось ему занять.

Но вскоре в немецкой армии принял стихийные размеры и повальный грабеж. Русский писатель, бывший в те годы врачом на фронте, так рассказывает об этих подвигах немцев:

«Каждый руководился своим собственным вкусом и темпераментом. Романтики уносили часы, зеркала, этажерки. Дон-Жуаны брали дамские шляпки, ретонды, сорочки и драгоценные украшения. Скромные мечтатели, воодушевленные, быть может, идиллическими образами Германа и Доротеи, довольствовались перинами, подушками и одеялами. Более черствые души не брезговали кухонной утварью. А будничные прозаики нагружались съестными припасами и везли на родину скот, лошадей и птицу».

И так далее, и так далее. Тысячи свидетельств! Какой бесконечный, угнетающий список преступлений, какая глубина нравственного опустошения! Как исчерпывающе мы теперь знаем это, и мы дорогою ценой заплатили за это исчерпывающее знание.

Мы знаем, что Гитлер возвел в принцип то, в чем иногда не смел еще до конца признаться себе немецкий хищник.

Гитлер сказал: ты, именно ты, такой, как

есть, — лучший человек на земле, тебе все позволено, истребляй народы, поработай народы, и у тебя будет уже поистине вдоволь пива и колбасы! И свержившаяся вообразила себя сверхчеловеком, скотоподобное существо вскарабкалось на трон, хотя это было только «ночным креслом», которым Генрих Гейне символизировал «величие» Германии.

Да, мы знаем нашего врага. Советский народ встал на пути его злодеяний не только неистовым мстителем, он встал на его пути, чтобы совершить величайший подвиг на нашей планете — выжечь дотла немецкий фашизм, самое смрадное, самое позорное явление, когда-либо существовавшее на земле. Грядущее человечество воздаст почести этому подвигу и благословит нашу беспощадность!

30 декабря 1943 г.

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Сегодня исполняется двадцать лет со дня переименования постановлением Второго съезда Советов СССР Петрограда в Ленинград.

Мы празднуем эту годовщину в дни, когда Ленинградский фронт перешел в наступ-

плéние, в дни, когда войска Ленинградского фронта, умножая и превышая славу своих предков, с военным искусством, великой самоотверженностью и героизмом разгромили врага и отстояли Ленинград.

Самое место, на котором стоит город нашей славы, — исконная русская земля. Еще девять веков тому назад, на заре нашей истории, земля эта была новгородской «пятиной», одной из пяти ближних областей Новгорода Великого.

Со времени Александра Невского, разбившего шведских интервентов на берегах Невы, знакома эта земля и русскому мечу. Новые интервенты, немецкие хищники, не раз ставили своей задачей закрыть русскому народу доступ к европейской культуре, отрезать его навсегда от моря, блокировать Русь.

Наши предки в многовековой борьбе бились за то, чтобы отстоять свои земли на берегах Балтийского моря, прорвать блокаду. Дышать воздухом Балтики стало насущной потребностью русского народа, которому никакие силы не могли преградить пути его развития.

«Ни одна великая нация, — писал Маркс, — никогда не существовала и не могла существовать в таком удалении от морей, в каком

находилось первоначальное государство Петра Великого. . .».

Россия при Петре с титаническими усилиями билась за свое море. Когда корпус Апраксина в истоках Невы попал в тяжелое положение, Петр из Архангельска пришел ему на помощь, протащив с собой, без дорог, через леса и болота, корабли Беломорской флотилии, — следы рубленных им просек видны до сих пор в лесах Карелии, как памятник богатырских подвигов.

Новая столица притянула к себе силы всей страны, и страна выпестовала этот город, как свое дорогое детище.

Реакционные преемники Петра, страшась вольного ветра запада, не раз пытались повернуть вспять, забросить еще молодой и маломощный город на Неве, но «сие от них не зависело», — народ благословил камень, заложенный на Неве, и отдал новому городу великие творческие силы.

Только потому и могло произойти это невиданное явление: на берегах болотистой реки, в местах, не тронутых никакой культурой, в короткий исторический срок возник город, приобретший всемирную известность как «восьмое чудо света», Северная Пальмира.

Прошло сто лет, — и юный град,
Полночных стран краса и диво,

Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.

Голос Пушкина был голосом народа, гордящегося своим трудом, своим гением.

Здесь расцвела новая эра русского искусства. Иностранцы зодчие, работая в Петербурге, подчиняясь русскому национальному гению, создавали постройки, непохожие на те, что делали у себя на западе, и обессмертили свои имена, связав себя с традициями русского искусства. А русские зодчие создавали такие высоты искусства, как величественный Казанский собор работы Воронихина, как сказочный Таврический дворец работы Старова, как восхитительное Адмиралтейство работы Захарова, Адмиралтейство, колоннады и камни которого словно дышат морскими просторами.

Связь с западом и со всем миром, которую поддерживал и облегчал город, была драгоценна пытливому, восприимчивому русскому народу, и не случайно, что именно здесь в середине прошлого века развернулась деятельность целой плеяды великих просветителей — пламенного Белинского, гениального Добролюбова, мудрого Чернышевского, великолепного Писарева, из Петропавловской крепости, из заключения руководившего целым поколением русской молодежи. Отсюда, из этого города

на сыром побережье Балтики, неслись по всей стране вдохновенные речи наших просветителей, подготовлявших обновление России, возрождение русского народа, пропагандировавших великие идеи революционной демократии.

В Петербурге выросал мощный отряд рабочего класса, и рабочие стали называть город ласковым именем Питера. Не легко было рабочему в этом Питере, но в массе не мог он не чувствовать, что здесь рождается новая жизнь, что товарищеская сплоченность, солидарность в труде и борьбе создает небывало могучую силу. И появление Ленина в Питере было началом новой главы в истории России.

За Невской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове руководил Владимир Ильич рабочими кружками, объединив их в «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса». Из петербургских металлистов выковывал Ленин кадры профессионалов-революционеров, людей, беззаветно преданных великому делу освобождения, стойких, не знающих страха в борьбе.

В прозовые дни 1905 года лозунг питерского пролетариата «Смерть или свобода» эхом прокатился по всей России.

По зову Ленина и Сталина питерские рабочие первые пошли на штурм самодержавия,

первые водрузили над страной Красное знамя республики Советов.

Великая Октябрьская революция закрепила новую, всемирно-историческую славу за нашим городом. Снова и с великою силой оправдал он любовь к нему всей страны.

Интервенты сжали кольцо вокруг Советской России, молодая республика ожесточенно билась под бременем невиданных трудностей, и — к Петрограду, к питерским рабочим обратился Ленин, и питерские рабочие послали отряд за отрядом и в деревню, и на фронт, и всюду, где требовалась высшая преданность, где необходим был страстный, неистребимый боевой дух.

Товарищ Сталин писал:

«Реввоенсовет Южфронта не забудет, что Петроград первый пошел на помощь Южфронту, послав ему сотни закаленных в боях передовых рабочих, вдохновивших наши дивизии верой в победу и совершенно преобразивших наш фронт. Последними своими успехами Южфронт обязан прежде всего этим рабочим, достойным сынам Красного Петрограда».

И когда возникла непосредственная угроза ему от нашествия белых армий, Ленин посылает сюда своего первого соратника — Сталина, военный гений которого вырос в огне борьбы с интервентами. И организация

Сталиным защиты Ленинграда вошла в историю города, в историю молодой Советской республики как одна из самых блистательных страниц ее.

Инициативой и заботой Ленина, силами еще неокрепшей, еще бедной Советской республики строился первенец электрификации — Волховстрой, строился для Петрограда как начало индустриального подъема страны, как начало промышленного возрождения великого города. Не было меры любви Ленина к этому городу, и нельзя без волнения вспоминать, как в последний своей приезд Владимир Ильич ходил по его улицам, словно прощаясь с ним навсегда.

Красный Петроград! «Неприступной скалой», «первой цитаделью Советской власти» назвал его Второй съезд Советов СССР.

Переименование его в Ленинград как бы завершало целую эпоху, эпоху огромных, всемирного значения событий, и в то же время было началом.

Снова, как Белинский, мы могли бы сказать об этом удивительном городе — «он весь будущее», — ведь самое имя Ленина, данное городу, есть одновременно и слава прошлого, и знамя будущего.

И Ленинград стал достойным своего имени. Его промышленный расцвет под руководством Сергея Мироновича Кирова и его преемника

Андрея Александровича Жданова составил новую эпоху его истории.

Ленинград стал гигантом технической мысли, стал могучим источником индустриального обогащения страны. Здесь были созданы первые тракторы, первые советские легковые машины, первый блюминг, первые турбины, впервые двинулись отсюда мощные танки «КВ», здесь родились советский синтетический каучук, алюминий, магний и т. д.

Тысячи новых производств осваивались в Ленинграде. «Сделано в Ленинграде», — эта марка была прославлена высокой культурой исполнения. «Нет ни одного места, нет ни одного уголка в Советском Союзе, куда не шла бы продукция ленинградской промышленности», — говорил С. М. Киров.

И так же, как в годы гражданской войны Ленинград посылал на все фронты своих лучших сынов, свой боевой авангард, так и теперь, в годы бурного подъема индустриализации, в годы сталинских пятилеток, Ленинград посылал во все концы мастеров культуры, рационализаторов, изобретателей, стал всесоюзной кузницей высококвалифицированных кадров. На любовь Родины он неизменно отвечал сыновней преданностью, исполнением сыновнего долга, и Родина знала, что, как и в прошлом, здесь цветение ее творческих сил, ее творческого гения.

В 1940 году ленинградская промышленность дала продукции почти в одиннадцать раз больше, чем в 1913 году. Одиннадцать старых Петербургов вмещал в себе новый Ленинград! За вторую пятилетку мощность энергетической системы Ленинграда увеличилась на 82%, а к 1942 году была поставлена задача удвоить мощность ленинградских электростанций.

Вот какой расцвет нашей культуры нарушило вражеское нашествие!

Кто жил в Ленинграде последние двадцать лет, тот помнит, как менялся облик нашего города: как он все более сиял огнями, как заливались асфальтом такие улицы, которые до этого времени знали лишь патриархальную «булыгу» или первобытный щебень, как возникали великолепные кварталы города на месте старых, грязных «окраин», как прокладывались широкие магистрали, застроенные огромными светлыми домами, как строились стадионы, дома культуры, как, озеленяемый заботливой рукой, он все более шумел «темнозелеными садами», как кипела в них молодость Ленинграда, как набиралась в них сила для предстоящего блистающего жизненного пути.

Враг знал цену Ленинграду. Эта цитадель Советского Союза манила его с первых дней его злодейского нападения на нашу родину.

Сюда, сюда устремил он десятки своих лучших дивизий, воздушный флот, целую танковую орду. С вожделением он считал оставшиеся километры — 100, 50, 18, 8... Сломить этого великана, растоптать, отрезать Россию от моря, осуществить мечту и свою, и своих собачьих предков! Даже мелюзга-финны, и те в бредовых сновидениях мечтали завладеть «Пиетари».

Велика была пасть гитлеровского зверя! Но войска Ленинградского фронта, балтийские моряки, все граждане Ленинграда тесной стеной обороны встретили зверя, и он с пеной бешенства остановился в нескольких километрах, которые оказались для него более непроходимыми, чем дремучая тайга или бескрайняя пустыня.

Мир еще не видал такого зрелища. Враг зарылся в землю, кольцом облегая великий город. Но ни яростная бомбежка, ни методические артиллерийские обстрелы не решали дело. Не решала дело и блокада города. О, эти зимние ленинградские ночи, серые короткие дни, когда город промерзал без топлива, погружен был во мрак, не имея света, изнемогал от голода!

Решало дело то, что и в этих условиях Ленинград не прерывал самоотверженной, напряженной работы. Он стал арсеналом Ленинград-

ского фронта, изготавливая автоматы, пулеметы, минометы, снаряды, мины, гранаты и пушки.

Не стало угля — котлы и топки переоборудовали на торф и дрова, израсходован был кокс — литье для боеприпасов производили на антраците, прекращалась электроэнергия — переходили на ручные станки. Выезжали ремонтировать танки в поле, самолеты — на аэродромах. Даже в самое тяжелое время блокады ни на один день, ни на один час не прекращалась в Ленинграде работа для фронта.

«Полярной звездой» назвал Ленинград великий казахский поэт Джамбул. Несмотря на трудности сообщения, в блокированный Ленинград со всех концов Советского Союза приезжали делегации от областей и от Союзных республик, чтобы принести городу-герою дань своего восхищения.

Английская газета «Ивнинг стандарт» писала недавно:

«Вряд ли можно найти что-либо подобное сопротивлению Ленинграда, являющемуся образцом человеческого триумфа среди невообразимых испытаний».

Несомненно, что об этом сопротивлении великого города будут написаны десятки и сотни книг, — борьба Ленинграда останется в памяти тысячелетий. Но историки ошибутся, если в истории блокады они не отметят самого поразительного.

Несмотря на то, что большое количество крупнейших предприятий города было полностью эвакуировано в глубь страны, а остальные были эвакуированы частично, и что только 30% бывшего до войны оборудования осталось в городе, уже в этом суровом периоде блокады началось промышленное возрождение города, и в этих труднейших условиях он продолжал работать не только на себя и на свой фронт, но и на страну. Окольным путем, в глубоком мраке, с потушенными огнями, под ежеминутной угрозой обстрела шли составы из Ленинграда по узкой полосе земли, отвоеванной у врага в тяжелых боях: Ленинград доставлял стране грузы, изготовленные по последнему слову боевой техники.

«Изготовлено в блокаде», — вот новая красноречивая марка на изделиях Ленинграда.

«В 1943 году, — писал товарищ А. Кузнецов, — в Ленинграде освоено производство новых порохов, впервые изготавлиющихся в нашей стране. Организован комплексный выпуск всех видов минометных выстрелов. Ряд элементов выстрела десятками миллионов штук вывозится из Ленинграда для других фронтов».

Восстановлено было производство морской артиллерии, освоена постройка новых типов боевых кораблей!

Город русской славы оставался верен себе — какой неиссякаемый источник творческой энергии!

Имя Ленина организует его силы, страстность и воля Ленина воплощены в его делах.

Ленинградский фронт перешел в наступление!

Но еще до того, как командование начертило на карте планы будущих операций, Ленинград перешел в наступление. Наступление началось с каждого рабочего места, началось с топора лесоруба, от стола изобретателя, от станка фрезеровщицы, от трибуны пропагандиста, — всех ленинградцев объединяла воля к разгрому врага.

Ленинградский фронт перешел в наступление!

Два с половиной года строили немцы долговременные укрепления, превращая в крепость каждое село. Но пришел день, и ленинградские полки прорвали эти чудовищные укрепления. Впереди полков уже летит ликующее слово «победа!», их наступление крепит грозное слово «разгром!»

Мы кончим разгромом. Этого требуют наша совесть, наше человеческое достоинство, наша честь и наша слава. Ленинград удвоит, утроит усилия, но он требует уничтожения

врага, требует отмщения — за убитых и искалеченных, за угнанных в рабство, за разрушение сокровищ нашей национальной культуры, за все!

Воля его неколебима, как неколебим и сам город Ленина!

25 января 1941 г.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

Сколько бы вы ни слышали о варварском разрушении немцами нашего славного и древнего города, вы будете потрясены, увидев это воочию.

Мирный советский город, с бодрой, чудесной молодежью его институтов и техникумов, с его яблочными садами, с весенним разливом Волхова и зорями, кидавшими отблеск на древние белые стены церквей и колоколен, с золотым куполом Софийского собора, как бы венчающим город и видимым на десятки километров окрест, — этот прекрасный город превращен в черное пепелище.

Посмотрите на него, и вы с особой, жгучей обнаженностью почувствуете природу тупого, наглого и гнусного врага нашей Родины!

Новгород — в прошлом крупнейший по-

литический центр и один из начальных центров великой русской культуры — был прославленным городом-музеем. Советское государство не жалело средств на поддержание, реставрацию, сохранение и изучение находящихся в его стенах великих произведений зодчества и живописи.

Фрески новгородских церквей были всемирно известны как редчайшие, уникальные создания живописи, как художественные памятники мирового значения. Не было в мире города с такой щедрой, такой изумительной, такой богатой фресковой живописью XII—XIV веков, как Новгород Великий.

Новгород при советской власти стал одним из центров научной мысли. Здесь был филиал Академии наук СССР, здесь, при наличии богатейших музеев, было сосредоточено изучение древней русской культуры и русского искусства. Здесь ежегодно производились археологические раскопки, обнаруживавшие необычайные, замечательные открытия.

Здесь была наша советская культура, с которой мы все так кровно связаны.

Теперь здесь прошел сапог немецкого солдата. Здесь его «техника» крушила с оголтелой яростью все, что составляло нашу жизнь, нашу работу, наше счастье.

Целые кварталы города исчезли. На местах их — снежное поле с неровными, едва вид-

ными грудами кирпичей от фундаментов да остатки когда-то богатейших фруктовых садов. Другие кварталы только коробки домов, ряд безжизненных, слепых, продырявленных стен, которых немцы еще не успели разобрать на кирпичи.

Сожжены и разрушены институты, школы, библиотеки, музеи, больницы, театры, клубы, вывезено промышленное оборудование, вынут во всем городе подземный кабель, разрушены все городские сооружения.

За все это немцы ответят, все это они оплатят нам полностью, оплатят сторицею, но есть вещи, неценимые никаким ценником, невозстановимые никакими средствами. Это — уничтоженные немцами наши великие создания искусства, наше художественное наследие, наше национальное достояние, пронесенное к нам через века. Вся Германия, со всеми ее потрохами, не может возместить эти потери. Помни это, товарищ и соотечественник, и пусть в памяти твоего сердца живет эта неутраченная, неутраченная ненависть к врагу.

На нашем русском севере, пожалуй, не было памятника более родного, более трогательного, чем церковь Спаса-Нередицы на Рюриковом городище. Построенная в XII веке, она являлась совершенно исключительной по сохранности своей архитектуры и живописи.

Входя под ее тихие своды, вы чувствовали, что художественный дар, переданный вам предками, это бесценный дар нашего общего богатства. Великие фрески Нередицы привлекали внимание посетителей всех стран.

Для нас Нередица священна была и по памяти об Александре Невском. Это была его княжеская церковь, от нее он пошел на разгром Тевтонского ордена. Немцы подло, с настойчивостью дикарей, массированными артиллерийскими налетами били по этой маленькой церкви, превращая ее в груды развалин. Били вне всякой военной необходимости, вне всяких военных соображений, били с хохотом, со свиным хрюканьем, — они знали, что делали!

Софийский собор! Одно из самых великих созданий мирового зодчества! Для Новгорода он был тем же, что Акрополь для Афин, что собор святого Марка для Венеции. Он был историческим центром города, венцом его славы и его искусства.

Сейчас святая София стоит полуразрушенная, почерневшая, ограбленная, поруганная. Похищено все ее внутреннее убранство, делавшее ее настоящей сокровищницей древнерусской живописи и орнаментального искусства. Когда вошли наши войска, на полу собора валялись мертвые немцы, которых зачем-то стаскивали сюда.

Ну, что ж? Это хороший признак. Не ушли эти, не уйдут и другие!

К югу от Новгорода, на берегу Волхова воздвигнут в XII веке Георгиевский собор Юрьева монастыря.

Юрьев монастырь — неотделимая часть новгородского пейзажа. Когда веснами широко разливается Волхов, Юрьев монастырь кажется островом, белокаменным сказочным градом Китежом, вышедшим из воды.

Георгиевский собор, построенный в 1119 году, — изумительный памятник постройности, величавости здания, по великолепной технике архитектуры. Летопись, рассказывая о его создании, добавляет: «А строил его Петр».

Как мы гордились этим великим художником русской древности — Петром! Сейчас собор стоит весь израненный, пробитый немецкими амбразурами, искалеченный приспособлениями под немецкие доты.

Немцы почти не рисковали. Они знали, что русская артиллерия будет шадить этот памятник всенародного искусства.

С высоты собора особенно потрясающи картины немецких разрушений. Вот Ковалево, вот Волотово, вот Рюриково городище, вот Сквородский монастырь, вот Никола на Липне, — все это развалины, все это уничтожала немецкая артиллерия, словно в бе-

зумном страхе от одиноких, стоявших в поле церквей. Все это — младшие сестры Нередицы, памятники русской культуры и русского искусства, далеко известные и за пределами нашей страны.

Да всего не перечесть!

Вот на восточной окраине Новгорода стоит чудесная церковь XIV века, Спас на Ильине, одно из совершеннейших созданий новгородской архитектуры времени ее расцвета.

На маленьких дверях надпись по-немецки: «Дверь закрывать! Враг смотрит сюда!»

Войдем и посмотрим, что скрывали здесь немцы.

В этой церкви советскими учеными были открыты под слоем позднейшей штукатурки фрески гениального мастера живописи Феофана Грека. Привезенные в копиях в Париж, они произвели в свое время сенсацию в художественном мире Запада. Особенно значительны изображения праотцев в барабане купола. Авель, Мельхиседек, Ной, пророки изображены были с невиданной силой выразительности.

Мы говорим «были», потому что стены с этой живописью пробиты для амбразур, а оставшиеся части изображений закопчены и зарисованы немецкими казарменными сюжетами.

Да, немцы, уничтожая и разрушая наши исторические памятники, знали, что́ они делали!

В своей печати они с наглым цинизмом писали о том, что немецкие ученые охраняют и изучают новгородские древности. Одна из такого рода брошюр напечатана по приказу немецкого генерала Вильке, того самого Вильке, который, по показаниям пленных немцев, был прямым участником грабежа Софийского собора, по приказу которого из золоченых пластин купола Софийского собора изготовлялась ему посуда, — часть этих вещей мы обнаружили в Кремле; того самого Вильке, который в предисловии к брошюре заявляет, что Новгород — немецкий город и что историю его определили «нордический дух» и «немецкое мужество».

За все это Вильке ответит нам перед виселицей. Похоже на то, что грядущее возмездие немцы чувствовали уже в Новгороде, и плохо помогало им их прославленное «немецкое мужество».

«Враг подсматривает», «Враг подслушивает», — такими надписями предупреждали они друг друга на каждом шагу, хотя город был пуст и вход в него был запрещен.

Да и на всех окрестных дорогах всякое движение было запрещено. Вызванный на

работу по наряду немецкой комендатуры сопровождался немецким солдатом, иначе в него стреляли без предупреждения. Целые деревни сжигались по всякому поводу и без повода, от одного страха.

Пленный солдат 191 охранного полка Лисовский Ян рассказал нам:

«В деревне Яхорево насчитывалось до восьмидесяти домов, гражданское население из деревни было уже эвакуировано. По прибытии на место лейтенант Леман расставил солдат, в числе которых находился и я, вокруг деревни, а сам с двумя-тремя солдатами направился в деревню и сжег ее.

Когда Леман был в Яхорево, на санях ехали два мальчика, братья Львовы. Одному из них было тринадцать лет, другому — шестнадцать. Леман собственноручно выстрелил из винтовки и убил тринадцатилетнего Николая Львова, а его брат, поднявший руки, был захвачен, и судьба его мне неизвестна. Леман говорил, что мальчиков он считает партизанами.

Мне известно, что Леман сжигал еще и другие деревни».

Так в деревнях немецкий «нордический дух» и «немецкое мужество» проявляли себя на детях и женщинах. Каждый был «молодец против овец».

А что делать в пустом городе? Как проявить свое «мужество»? Они ловили кошек,

вешали их и повешенных расстреливали. Такое зрелище можно было видеть в алтаре одной из древних церквей.

Части Красной Армии облегали фронт, ожидая только приказа о наступлении. Немцы хорошо знали это, и неуютно жилось бандитам в разграбленном Новгороде. Офицеры подогревали свое «немецкое мужество» такими афоризмами:

«Спокойствие — святое дело, торопятся только сумасшедшие». «Не сердиться, только удивляться». «Юмором владеет тот, кто, не смотря на все, смеется».

Но хотя спокойствие — святое дело, — пришлось поторопиться, и совсем не до смеху было «воинам нордического духа».

Вот письмо, найденное нами в Новгороде и помеченное: «Восточный фронт, 18 января»:

«Дорогая Эльфрида! Вчера утром мы высадились в Новгороде и сразу же попали на передовую. «Иван» вчера прорвался и продвинулся сразу на 60 км. Какая меня ждет судьба? Сегодня утром я открыл бутылку, которую хотел привезти с собой, ведь не знаешь, кому достанется. Что прошло, того не вернешь!»

Что правда, то правда! И бутылки не вернешь, и жизни не вернешь!

Наши бойцы знали, какой город они освобождают от бандитов. Еще овевянные огнем

боев, еще с неостывшим оружием, они собрались на вечерней площади.

«С волнением и гневом вступил я на эту древнюю русскую землю, оскверненную немецкими варварами, — говорил сержант Шафров. — Много веков назад здесь зарождалась Великая Русь. Отсюда, с берегов Волхова, шли дружины Александра Невского, который разгромил немцев, пытавшихся завоевать эти края. Сейчас мы снова встретились со своим вековым врагом и разгромили его у стен древнего Новгорода».

«Посмотрите вокруг себя, — говорил рядовой Лузгин, житель Новгорода. — Здесь был цветущий город. Теперь перед нами лишь груды развалин и пепла. Враг разрушил его. Нет и населения. Немцы угнали жителей на каторгу в Германию. Здесь я оставил жену и двоих детей. Где они сейчас — неизвестно. Но я слышу их голос днем и ночью. Они зовут меня на помощь. И я знаю, что мы пройдем, пробьемся к ним через трупы врагов!»

Хорошо сказал боец Лузгин. Не слышит ли каждый из нас днем и ночью голос наших погибших людей, замученных, задушенных, сожженных, изнемогающих на немецкой каторге, голос разрушенных городов, голос сожженных деревень, голос Родины?

И пусть войнов, освободивших Новгород, осеняет в их движении на Запад, на окончательный разгром врага дух этого древнего вольного русского города, дух его богатырей, дух сподвижников Александра Невского, дух великой и могучей, всенародной воли к победе!

3 февраля 1944 г.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Еще в самый канун наступления войск Ленинградского фронта берлинское радио возвестило:

«Бессмысленны и обречены на неудачу все попытки русских поколебать наши позиции у Ленинграда».

Только извержение вулкана, — так хвастали немцы, — могло бы их выбросить из сети их мощных укреплений.

Крепко вцепились они когтями в ленинградскую землю! «Северным валом европейской крепости», «стальным кольцом» называли они линию этих укреплений.

Но в тот день, в то утро, когда разразилась эта январская гроза, когда Ленинград был поднят небывалою канонадой, когда каж-

дому стало мгновенно и ослепительно ясно: «началось!». — и ритм жизни словно убыстрился, жизнь города стала еще деловитее, а в сердцах была — тишина, та высокая настроенность, при которой все силы души были устремлены туда, где воины Ленинградского фронта шли в наступление, — в этот день, столь памятный каждому ленинградцу, немцам под Ленинградом пришлось поверить в невероятное.

Прославлена у немцев победами и значимита была 18-я армия генерал-полковника Линдемана, завоевателя Бельгии и Македонии. Нет теперь ее! Свыше тридцати дивизий армии Линдемана разгромлены под Ленинградом. Свыше тридцати дивизий, не считая «легиона» испанских проходимцев!

Не слышно больше и о самом Линдемане. А еще так недавно он был полон величия. Еще так недавно он заказывал брошюры, прославлявшие его полководческие достоинства. Специальным выпуском была напечатана пышная статья некоего обер-лейтенанта Гюнтера Хейбинга. Автор не жалеет красок, чтобы вознести «воинов северной крови» армии Линдемана, так глубоко посвященных «в тайны и искусство позиционной войны на фронте болот и лесов, этом истинном деле испытаний».

Но кончилось искусство, и куда девались тайны позиционной войны? В приказе по армии Линденман взывал:

«Битва еще не кончена, исход ее еще неясен... Соберите в себе силы, не теряйте вашей твердой воли и доверия».

Но «воины северной крови» считали положение ясным... Они не теряли твердой воли бежать, не теряли доверия к своим ногам. Пленный лейтенант Берке рассказал: для поимки солдат, убегавших с поля боя, были организованы заградительные команды; но они были бессильны что-либо сделать и сами убегали вместе с теми, кого они призваны были удерживать.

А командование засыпало войска приказами держать позиции «до последнего человека».

Вот письмо одного из таких «последних», убитого немца Курта Теннека. В этом письме, как «в малой капле вод», отражены размеры поражения врага.

Опубликуем его во славу Красной Армии.

«Дорогие родители!

Когда я прибыл в роту, я нашел только часть своей дивизии.

Русские начали наступление силою до семи дивизий и прорвали нашу оборону. Дивизия

имела большие потери убитыми и попавшими в плен, а остатки ее в значительной степени были рассеяны. Командир роты и еще несколько человек остались в живых. Их я встретил сегодня в Луге.

Командир начал перечислять мне убитых. Среди них, дорогие родители, оказались все ветераны роты.

Мое счастье, что я находился четырнадцать дней в отпуску.

Ах, трудно себе представить, что только пришлось им перенести.

Для меня это испытание начнется завтра вечером. В продолжение тринадцати дней я искал свою часть и не нашел бы ее до сих пор, если бы не встретил своего командира.

Ужасное смятение! Наши четыре дивизии или уничтожены, или рассеяны. Сейчас из остатков этих четырех дивизий комплектуется одна, а именно наша, 28-я дивизия.

Сегодня я возвращаюсь в свою роту, которая пока состоит из девятнадцати человек. Завтра вечером все, кто еще уцелел, пойдут опять на передовую. Русские продвигаются все дальше, Мне все безразлично, но все же я надеюсь вернуться».

Великая Ленинградская битва — одно из самых тяжелых поражений немцев в их войне против Советского Союза.

Природа была немилостива к нам в эту боевую страду. Ростепель, глубокий снег и под ним незамерзшие болота увеличивали чудовищные трудности наступавших и усиливали шансы врага. Но недаром в одном из захваченных на Ленинградском фронте документов немецкой разведки говорится о большой подвижности Красной Армии на непроходимой, с немецкой точки зрения, местности.

Войска Ленинградского фронта били врага по-суворовски. Они проходили там, где пройти «невозможно», делали то, что кажется «немыслимым». Слава воинам Ленинградского фронта!

Слава артиллеристам, обрушившим на врага такой гром, который потряс всю систему вражеской обороны, сковал, парализовал его огонь!

Когда наша артиллерия год назад при прорыве блокады обратила в крошево немецкие укрепления в районе Шлиссельбурга, это была, как теперь видим, только «генеральная репетиция» наших мастеров тяжелого огня.

Слава танкистам! Они смелыми и стремительными рейдами взломали подкову немецкой обороны у Пулковских высот, пробились по воде, по кручам, через огонь, смяли врага и первыми вышли к большой победе, замкнув в районе Кипень смертное кольцо, внутри ко-

того немецкие позиции стали обваливаться, как снежные лавины в горах.

Слава великой русской пехоте, принявшей на себя всю тяжесть и подвиг первого штурма, а после прорыва фронта совершавшей по бездорожью и болотам такие смелые рейды в обход врагу, что небольшие группы храбрцов наводили страх на врага и заставляли его откатываться, бросая на ходу все, что замедляло его бег. Обходные рейды, сломившие Лужский плацдарм, достойны остаться в истории войн.

Слава балтийским морякам, оградившим с моря Ленинград, потопившим сотни вражеских судов и посылавшим врагу всю огневую мощь своих кораблей.

Слава летчикам Ленинградского фронта и Балтийского флота, завоевавшим небо Ленинграда! К концу упорной двухлетней борьбы они стали властелинами неба. Они сохранили Ленинграду тысячи жизней его граждан, сотни драгоценных зданий, они осеняли крыльями своих машин великий город, вылетая на схватки с врагом, иногда в десять и более раз превышавшим в силах, и выходили победителями. В Ленинградской битве они явились грозными мстителями за город, скрепили и довершили своими ударами разгром врага.

Весна в этом году в Ленинграде совсем особенная. Город делается все более шумным, все более оживленным. Но и в этом шуме ленинградец все еще слушает особым слухом другое — торжественную тишину победы, радость освобождения.

Фронт еще близок, и Ленинград насторожен и бдителен к врагу, но больше нет уже этого ежедневного отвратительного свиста над головой вражеского снаряда, нет больше этой тревоги за близких, вышедших из дома в часы обстрела, нет ежечасного, ежеминутного опасения за жизнь каждого ленинградца.

Сотни вражеских дальнобойных орудий, обстреливавших Ленинград, захвачены нашими войсками, и образцы этих орудий смиренно стоят теперь на выставке «Героическая оборона Ленинграда».

Мы теперь ступаем свободно и на землю, опоясавшую Ленинград, ту землю, перед которой остановился враг, на которую он извергал более двух лет раскаленный металл снарядов.

Вот она — израненная, истерзанная, вся в ямах, в черной копоти, словно окаменевшая в муках! Если бы можно было ее, эту землю, не пропустившую врага, донести такую до потомков как памятник борьбы и самоотвержения! В эти годы вражеской осады как она была

близка нам, мы чувствовали ее тут, рядом с собой, и видели в мыслях такую, какой мы ее знали до нашествия, — мы ходили по всем тропинкам, помнили все дома, все повороты дорог. На месте домов теперь груды почерневших кирпичей, а дороги иной раз и не найдешь.

За этой землей — пояс пригородов с дворцами и парками, составлявшими нашу национальную гордость. Пушкин, Павловск, Петергоф, Гатчина.

Мы ждали, мы знали: настанет день, когда мы снова придем в эти родные и священные для нас места. Мы знали, что наш враг — палач по профессии, по самой сути своей, палач всего драгоценного в этом мире, будь то сам человек или создание его труда и гения.

Но все-таки — какая самая мрачная фантазия могла бы вообразить: в этих дворцах, величайших созданиях искусства, из залы в залу, из угла в угол бегают они (ведь нельзя назвать их — люди!) с отвратительными палками-факелами и поджигают — уходя! — чтобы не осталось после них ничего, кроме тлена.

На Ленинградском фронте была захвачена брошюра некоего Штрик-Штрикфельда, написанная в поучение немецким офицерам. Называется она «Русский человек». Автор —

«ученый», «психолог», член германского института психологии. Хотя нельзя понять — зачем волку психология? Волчий оскал прорезается на всех строках этой «лекции», назначение которой пропагандировать необходимость «завоевать Восток с его людьми, чтобы заставить его служить нам и нашим детям». Но завоевать, как выясняется из самой «лекции», нелегко: русский человек по «психограмме» своей обладает огромной силой сопротивления. Здесь волк особенно свирепо лязгает зубами, призывая всеми средствами стать «господами русского пространства».

Поэтому подавление всех наших духовных сил, уничтожение всего, что составляет нашу душу, наше сердце и память, нашу историю, нашу культуру, — уничтожение всего этого входило и входит в программу нашего врага. Наш ответ ясен: мы должны не только уничтожить гитлеровца, но и передать потомкам память о нем, как о черном позоре человечества!

Войска Ленинградского фронта сделали в этом направлении славное дело. Враг не только впервые был остановлен под Ленинградом, но потерял у его стен 600 000 убитыми, ранеными и взятыми в плен, — армию, равную «Великой армии» Наполеона, вступившей в пределы России в 1812 году. «Ленинград на севере и Сталинград на юге, — пишет газета

«Ивнинг стандарт», — это Бородино гитлеровского вторжения».

Фашистский генерал Дитмар в поисках объяснений колоссальных поражений немецких армий так возвестил по радио:

«Борьба на широких русских пространствах следует своим особым законам, которые не всегда благоприятствуют развертыванию и проявлению наших лучших качеств».

Мы привыкли к тому, что немцы жалуются на мороз и жару, на распутицу и грязь, на все времена года, так или иначе не благоприятствовавшие их успехам, но впервые они жалуются просто... на ровное место, не подходящее им.

Три года тому назад гитлеровцы завершили свой последний победоносный поход в Европу. Я видел книгу о завоевании Балкан. Она снабжена была великолепными фотографиями. Фотограф искусно льстил завоевателям. На фоне югославских городов, на фоне Олимпа, Акрополя и просторов Эгейского моря высилась и как бы все заслоняла собой монументальная фигура немецкого солдата-великана.

Это великанье чувство кружило голову немецкого мещанина. Да и было от чего! казалось, еще немного — и весь мир поместится в его хозяйственном чемодане. И он ликовал, слушая, как мир наполняется лязганьем немецкого оружия.

Действительно, не было еще никогда такой мощи оружия, как у гитлеровской Германии в момент ее нападения на Советский Союз. И то, что произошло на великой русской равнине, по выражению американской газеты «ПМ», «люди всех стран будут пытаться понять в течение предстоящих десятилетий». А съезд патриотических организаций Франции сказал:

«Доблестные советские армии спасли свободу мира».

Когда мы находимся среди величественных гор, мы не устаем поражаться силой, создавшей эти громады. Когда мы удаляемся от них, мы не различаем с такой же отчетливостью каждую вершину, и мы видим взамен этого новые очертания — могучий горный хребет.

Победы Красной Армии со времен Сталинграда сливаются в нашем восприятии в такой горный хребет.

Но он не заслоняет от нас ничего. Мы помним все. Мы отступали. Кровавой полосой легла на родной земле черта: Ленинград. Калинин. Воронеж. Сталинград. Владикавказ.

Враг дорого заплатил за наше горе, но полная расплата еще впереди. Освобождаемая земля миллионами голосов вопиет о злодеяниях, совершенных на ней. Это — земля гнева! И мы до конца будем верны ее зову!

Русский народ заселил и оплодотворил своим трудом огромные пространства. Он создал великую литературу, он дал плеяду гениальных композиторов, художников, зодчих, дал миру величайших ученых. Не перечислить явлений творческой силы русской земли. Русский народ возглавил борьбу за освобождение всех народов старой России и создал первое в мире социалистическое государство.

Сейчас он дал миру новое свидетельство своей творческой мощи, — стратегию и военное искусство, созданные Сталиным и воплощенные в великих делах Красной Армии. Будем же достойными этих великих дел!

Апрель, 1944 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Ленинград	5
Немцы в России	14
О Пушкине	24
О поэте Николае Тихонове	29
• Ленинградские комсомольцы	37
Потомственный кретинизм	42
Поэма о Ленинграде	44
• Военный гений русского народа	52
Когда говорит Сталин	64
Богатырь воли и труда	71
Киров в Ленинграде	94
Пруссаки	100
С именем Ленина	109
Новгород Великий	122
Родная земля	132

1944 г.

4.45 5081 П. АКТ № Н-759/2

1807211

44-1965/2

Ир50

Цена 3 р. 50 к.

1

Ир 50 $\frac{F-1}{23}$